

Лэндон и Шей. Разбитые сердца

Автор:

Бриттани Ш. Черри

Лэндон и Шей. Разбитые сердца

Бриттани Ш. Черри

Freedom. Бриттани Ш. Черри. Лучшая романтическая проза Шансы #2

Шей Гейбл ненавидела меня до глубины души. И я её тоже.

Всеми силами мы старались избегать друг друга. Но однажды наступил день, когда всё изменилось. Мне бросили вызов.

Всего лишь глупое пари. Заставить Шей влюбиться в меня и не полюбить её самому.

Я думал, что легко выиграю спор. И уж точно не проникнусь глубокими чувствами.

Но всё пошло не так, как я планировал. Шей заставила меня жаждать того, о чём я и не мечтал.

Любви. Счастья. Её.

Чем больше времени мы проводили вместе, тем ближе она подбиралась к тёмным уголкам моей души, которые я никогда никому не показывал.

Игра между нами превратилась в реальность. Чувства смешались.

Но вы знаете, как говорится...

В любви, как и на войне, все средства хороши. Особенно разбитые сердца.

Бриттани Ш. Черри

Лэндон и Шей. Разбитые сердца

© Солдатова П.И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Каждому,

кто когда-либо чувствовал себя одиноким:

положите руку на свое сердце.

Чувствуете?

Оно все еще бьется.

Это – для вас.

«Я люблю тебя так, как любят нечто неясное,

В потаенном уголке меж душой и тенью»

– Пабло Неруда, 17 сонет

Старшая школа. Выпускной класс

2003

Лэндон

Я никогда не хотел быть чудовищем, но время от времени задавался вопросом – могут ли некоторые люди рождаться такими? С тьмой, просочившейся в их кровь и заполнившей их души?

Мое имя было прямым доказательством того, что я должен был стать хорошим человеком.

Я принадлежал к весьма выдающемуся роду. Моя мать назвала меня в честь дяди Ланса и дедушки Дона – величайших из известных мне людей. Имя Дон означает «благородный», а Ланс – «слуга». Имена им вполне соответствовали. Оба принимали участие в войнах. Пожертвовали своей жизнью и разумом ради других людей. Они с готовностью отдавали себя окружающим, позволяя пользоваться своим великодушием, – до тех пор, пока от них самих ничего не осталось.

Сочетание этих имен должно было превратить меня в благородного слугу этого мира, но я оказался совсем другим. Если бы большинство моих одноклассников спросили о том, что означает мое имя, они, вероятно, ответили бы: «козел». Вполне справедливо.

Я совсем не похож на своего дедушку или дядю. Я позорил их память.

Я не понимал, почему в моей душе так много тьмы. Не знал, почему я так озлоблен. Я просто видел, что я такой.

Я был козлом, даже когда мне этого не хотелось. Теми немногими людьми, которые мирились с моей неуравновешенностью, были мои друзья и Моника – девушка, которую я упорно старался вычеркнуть из своей жизни.

Во мне не было ничего благородного или галантного. Я обращал внимание только на себя и на тех, у кого хватало смелости называть меня своим другом.

Я ненавидел себя. Ненавидел то, что я не был хорошим человеком. Я не был даже порядочным. Я делал много ужасных вещей, узнав о которых и Ланс, и дедушка Дон перевернулись бы в гробах.

Почему я был таким?

Хотел бы я знать.

Мой разум представлял собой запутанную головоломку, и я не понимал, как собрать ее воедино.

Утром, после нескольких бестолковых уроков, я направился в столовую и взял свой обеденный поднос. Выпускной класс. Еще один семестр, и маленький городок Рейн в штате Иллинойс останется в прошлом.

Я подошел к столику и скривился, увидев сидевшую за ним Моника. Я попытался незаметно улизнуть, прежде чем меня заметит Грейсон, Хэнк или Эрик, но Моника уже вовсю махала мне рукой.

– Лэндон! Принеси мне молока – обезжиренного, – приказала она своим высоким голосом.

Я ненавидел этот звук. Она разговаривала как банши[1 - Банши – существо из ирландского фольклора, фея, предвещающая смерть пронзительным криком.], и я мог поклясться, что мне не раз снились кошмары, в которых эта девушка выкрикивала мое имя.

Я не помнил, чтобы раньше ее голос раздражал меня так сильно. Всякий раз, когда мы оказывались вместе, я был пьян или под кайфом. Мы давно знали друг друга. Моника была моей соседкой, и ее жизнь была такой же запутанной, как и

моя. Я страдал от своих демонов, в то время как у Моники имелся полный набор собственных проблем.

Когда наша жизнь становилась особенно невыносимой, мы занимались сексом, чтобы ни о чем не думать. В нашей связи не было ничего романтического. Честно говоря, мы друг друга недолюбливали, – и именно поэтому наши отношения меня устраивали. Я не искал девушку и не нуждался в эмоциональной связи. Мне просто нужно было время от времени перепихнуться, чтобы отвлечься от своих мыслей.

Какое-то время это работало – до тех пор, пока я не решил отказаться от алкоголя и наркотиков.

С тех пор как я перестал употреблять, Моника наговорила по этому поводу много гадостей.

– Ты нравился мне больше, когда был под кайфом, – заявила она в последний раз, когда мы занимались сексом.

Мой ответ не заставил себя ждать:

– Твой рот нравился мне больше, когда был занят моим членом.

Даже это было ложью. Мне не нравился секс с Моникой. Я просто убивал время. Она занималась сексом так же, как девушки в порно, и в теории это должно было быть потрясающе. На деле – слишком много слюней и беспорядочных движений. Время от времени мне приходилось доводить себя до финиша собственными силами.

В ту ночь, когда я сказал об этом Монике, она дала мне пощечину. Кожу обожгло, щека мгновенно покраснела. Это стало напоминанием о том, что я все еще жив, все еще способен чувствовать, хотя на месте моего сердца давно была сухая льдина – замерзшая и враждебная к любому, кто пытался удержать меня рядом.

Моника сказала, что не станет трахаться со мной, пока я не накурюсь.

Следовательно, эти катастрофические отношения официально закончились – по крайней мере, для меня.

Она этого не поняла. Я пытался избавиться от нее уже какое-то время. Но, как преданный пес, она снова и снова появлялась в моей жизни – в самые тяжелые времена.

– Ты уже под кайфом? У тебя обострение? Хочешь кончить мне на сиськи?

В тот момент Моника была последней, с кем я хотел иметь дело, но я знал, что, если не сяду рядом, она станет вопить еще громче.

Я поставил поднос на стол и приветственно кивнул.

– Какого черта? Где мое молоко? – спросила она.

– Я тебя не услышал, – сухо ответил я.

Она потянулась и взяла молоко с моего подноса, совершенно не думая о том, что я тоже хочу пить.

Ей повезло, что у меня не было сил с ней спорить. Я не спал всю ночь и приберег свой гнев для тех вещей и людей, которые действительно имели для меня значение. Этот список был коротким, и ее имя в нем не значилось.

– Я тут подумала – тебе стоит устроить вечеринку у себя дома в эти выходные, – сказала она, отхлебывая мое молоко.

К счастью, оно не было обезжиренным, так что хоть в чем-то Моника не добилась своего.

– Ты только об этом и думаешь, – ответил я, принявшись за свой обед.

Это была первая учебная неделя после зимних каникул, и я почти с удовольствием отметил, что еда в столовой осталась все такой же дерьмовой.

Если в моей жизни и было что-то, что мне действительно нравилось, так это постоянство.

– Говори что хочешь, но на этих выходных ты обязан напиться – это ведь день рождения Ланса. Мы все должны почтить его память.

Я почувствовал, как от ее слов во мне начало разгораться злобное пламя. Она произнесла имя Ланса так, словно ей было не все равно, но единственной причиной было ее желание залезть мне в душу. Уколоть меня. Сделать из меня монстра, которого ей не хватало. Ей казалось, что она может использовать меня в качестве пластыря для своих шрамов, но только в те моменты, когда мои собственные раны свежи и открыты.

Со смерти Ланса прошло чуть меньше года.

Тем не менее мне казалось, что это было вчера.

Я стиснул зубы.

– Не дави на меня, Моника.

– Это почему? Давить на твои рычаги – мое любимое занятие.

– А куда подевались все твои старые папики? Может, лучше займешься ими?

Я тяжело выдохнул, в то время как Моника одарила меня злобной улыбкой. Ей нравилось, когда я упоминал о ее связях со взрослыми мужчинами. Таким образом она пыталась преподать мне урок. Наказать за то, что я ее не хотел. Она спала с каким-нибудь парнем постарше и рассказывала об этом мне.

К сожалению, ее план был идиотским – мне было все равно.

Не считая того, что иногда я жалел Моникау из-за отсутствия у нее чувства собственного достоинства.

Моника – классический пример богатой девочки, у которой возникли проблемы в отношениях с отцом. Тот факт, что ее отец полный козел, никак не улучшал ее

положение. Когда Моника рассказала ему о том, что один из его деловых партнеров домогался ее во время вечеринки, отец назвал ее лгуньей. Я знал, что она говорила правду – в тот вечер я видел, как она рыдала, закрывшись в своей спальне. Человек не может так плакать, когда ничего не случилось. Оказалось, что это был не первый случай домогательств со стороны партнеров ее отца, но всякий раз, когда она обращалась к нему по этому поводу, он называл ее истеричкой, ищущей внимания.

Поэтому она и стала такой.

Она требовала внимания от мужчин, которые, как утверждал ее папа, никогда ей не интересовались. У нее были ужасные отношения с отцом, поэтому она спала с мужчинами его возраста. Она даже называла их папочками в постели, что совершенно точно нельзя считать нормой.

Однажды она назвала папочкой и меня – я тут же перестал ее трахать. Я не хотел кормить ее демонов, я хотел забыть о своих собственных хотя бы на некоторое время.

Честно говоря, я был рад, что между нами больше ничего нет.

Моника прижала язык к щеке и приподняла бровь.

– Что? Ты ревнуешь?

Она отчаянно этого хотела.

Я не ревновал.

– Моника, ты же знаешь, что мы не вместе, да? Ты можешь делать все что хочешь и с кем хочешь. Мы не пара.

Я хорошо умел объяснять девушкам, что между нами происходит, или, точнее, чего между нами не происходит. Я не вводил их в заблуждение мыслью о том, что у нас получится что-то серьезное, – я сам никогда этого не хотел. В моей голове было слишком много свободного пространства, и я знал, что не способен на настоящие отношения. У меня не было сил быть чьей-то второй половиной – я

мог быть только приятелем для секса.

Честно говоря, я бы даже не назвал себя «приятелем». Я не был для них другом – и никогда им не стал бы.

Моника подмигнула мне так, словно я был котом, а она – мышью, которую я пытался поймать. Я винил себя. Худшее, что может сделать сломленный человек, – переспать с другим сломленным человеком. В десяти случаях из десяти это оборачивается катастрофой.

Моника вытащила свой мобильник и начала безостановочно писать сообщения, параллельно болтая о какой-то ерунде. Она говорила о других людях и о том, какие они уродливые, глупые и бедные. Какой бы привлекательной она ни была, Моника являлась одним из самых омерзительных людей, которых я когда-либо встречал.

Но не мне судить. Принимая наркотики, я становился еще большим козлом, чем обычно. Как выяснилось, пока человек под кайфом, его уровень сострадания к окружающим крайне низок. Я сказал и сделал много дерьма – и я был уверен, что однажды карма меня настигнет.

– Ходят слухи, что в субботу у тебя дома намечается вечеринка, – сказал Грейсон, подходя к столу в компании Хэнка и Эрика.

Слава богу. Сидеть наедине с Моникой было кошмаром.

– Ты о чем? – спросил я.

Он помахал телефоном, показывая мне сообщение от Моники. Осознание пришло ко мне. Я был уверен, что аналогичное сообщение было отправлено множеству других людей, и все они собирались прийти ко мне домой на вечеринку. Итак, о чудо – выяснилось, что я устраиваю вечеринку.

С днем рождения, Ланс.

Я слегка отвернулся от Моники и прошептал Грейсону, широко раскрыв глаза:

– Чувак. Она чокнутая.

Он рассмеялся и провел рукой по своим темно-русым волосам.

– Ненавижу фразу «я же говорил...», но... – он замолчал и хихикнул.

С самого первого дня Грейсон предупреждал, что спать с Моникой – плохая идея, но я его не слушал. Я был одним из тех, кто не думает о последствиях. И это быстро сыграло со мной злую шутку.

Моника похлопала меня по спине.

– Эй, я схожу в туалет. Присмотри за моими вещами.

Я пожал плечами, не желая с ней разговаривать. Это было почти так же утомительно, как домашняя работа. Я бы с удовольствием предпочел общению с Моникой математические уравнения, но выбора у меня не было.

Когда Моника выходила из столовой, вошла Шей, и мне показалось, что все мои внутренности свернулись в узел. Уже год этот узел образовывался в моем животе всякий раз, когда я видел Шей Гейбл. Я не знал, что именно означало это чувство и имело ли оно хоть какое-то значение, но, черт возьми, это чувство все-таки было.

Наверное, это газы, говорил я себе.

Я ненавидел Шей Гейбл.

Это я знал наверняка.

Я знал ее уже много лет. Она была на год младше меня, а ее бабушка была нашей домработницей и иногда приводила с собой Шей – когда ее родители не могли за ней присматривать.

С первого дня нам не удалось найти общий язык. Знаете, как люди заводят мгновенную дружбу? Так вот у нас с Шей возникла мгновенная ненависть. Я ненавидел ее правильность. Даже в детстве Шей никогда не хулиганила. Она

всегда получала хорошие отметки, с легкостью заводила друзей. Она не прикасалась к наркотикам и не пила на тусовках. Вероятно, перед сном она молилась и целовала свою бабушку.

Маленькая Мисс Совершенство.

Больше похоже на Маленькую Мисс Притворство.

Я не купился на ее маску хорошей девочки.

Никто не может быть настолько идеальным. Ни у кого не может быть так мало демонов.

Мы тусовались в одних и тех же кругах, у нас были общие друзья, но мы были больше чем врагами. В нашей ненависти было нечто комфортное. В какой-то степени это чувство было мне приятно. Ненависть к Шей стала самой постоянной вещью в моей жизни. Она стала наркотиком, за которым я гнался, и с каждым годом я все больше и больше кайфовал от ее пренебрежения. В нашей ненависти была особенная сила, и чем старше мы становились, тем больше я этого жаждал.

Шей выросла такой, какой мечтают вырастить большинство девчонок. Ее тело развивалось так же быстро, как и ее ум. У нее были изгибы во всех нужных местах, сияющие глаза и ямочка на щеке – такая, что при виде ее хотелось, чтобы Шей всегда улыбалась. Иногда я смотрел на нее и ненавидел себя за то, что мне нравилось то, что я видел. В этом году Шей выглядела особенно взрослой. Больше изгибов, большая грудь, большая задница. Если бы я не ненавидел ее так сильно, я бы думал только о том, как затащить ее в постель.

Она была не только красивой, но и умной. Она была лучшей в старших классах. Безупречное сочетание ума и красоты – хотя ей я об этом, разумеется, никогда не говорил. В ее представлении, мои мысли о ней были полны отвращения, но иногда я тайком наблюдал за ней. Иногда я слушал, как она смеется с подругами. Я изучал ее, как она изучала людей вокруг себя, – так, словно они были искусством, а она пыталась понять, как и почему они были созданы. Она все время записывала что-то в блокнот – как будто вся ее жизнь зависела от слов на этих страницах.

Я знал только одного человека, который записывал свои мысли так же упорно и тщательно, как Шей. Должно быть, она заполнила ими уже сотни блокнотов.

Моника остановила Шей. Вероятно, чтобы пригласить ее на вечеринку.

Зачем ей ее приглашать? Все знали, как сильно мы с Шей презираем друг друга. Снова эта Моника. Она настолько погрязла в своем дерьме, что не замечала проблем окружающих. А может, она пригласила Шей, чтобы просто позлить меня. Это было одним из любимых занятий Моника.

Шей со своими лучшими подругами, Рейн и Трейси. Рейн была и моей подругой как минимум потому, что она встречалась с Хэнком – моим хорошим приятелем. Рейн была главной заводилой в любой компании. Если вам хочется посмеяться, то в первую очередь стоит обратиться именно к ней. Она часто шутила, что ее называли в честь города, в котором она родилась, потому что ее родителям было лень придумывать что-то поинтереснее.

– Слава богу, я не родилась в Аксиденте[2 - Аксидент (англ. «Accident» – «случай») – город в штате Мэриленд, США. Известен своим необычным географическим названием. Человека из Аксидента называют «accidental» – «случайный».], – смеялась она. – Пришлось бы изрядно потратиться на психотерапевта.

Следующая – Трейси. Она была настоящей сахарной поп-королевой старшей школы «Джексон». Если бы вы искали девушку с командным духом, Трейси обеспечила бы его, прибавив щедрую порцию блесков и радуги. В последнее время Трейси пыталась заразить своей яркостью Реджи, но, на мой взгляд, он был не слишком в этом заинтересован. Реджи был новеньким, недавно переехавшим из Кентукки, и большинство девушек были очарованы его южным акцентом. Сказать честно? Он казался мне обычным придурком, который время от времени называл друзей «чел». Я был профессионалом в распознавании козлов.

Рыбак рыбака видит издалека.

Трейси была слишком невинна для такого парня, как он. Она бывала немного раздражающей и навязчивой со своим радужным дружелюбием, но в целом она – неплохой человек. Она никому не желала зла, и именно поэтому такой парень,

как Реджи, ей совершенно не подходил. Он съел бы ее заживо, а потом выплюнул так, словно они никогда не были знакомы.

Это то, что делаем мы, плохие парни. Мы вытягиваем все соки из хороших девочек и, насытившись, отбрасываем их в сторону.

Человеком, который и правда подошел бы Реджи, была Моника. Этот союз заключен в самом Аду.

Девочки продолжали болтать, и я знал, что Моника наверняка рассказывает ей о вечеринке, которую я не хотел устраивать. Шей взглянула на меня беспокойным, презрительным взглядом.

Привет, карие глаза.

Если эта девушка и ненавидела что-то больше, чем меня, так это вечеринки, которые я устраивал, – поэтому она взяла за правило никогда на них не появляться. Как только мы встретились взглядами, я отвернулся. Мы редко пересекались, но, когда это случалось, мы обменивались друг с другом короткими репликами. В большинстве случаев они были довольно грубыми. Это было в нашем стиле. Мы соревновались в ненависти друг к другу.

Кроме одного случая девять месяцев назад.

Ее бабушка, Мария, присутствовала на похоронах Ланса и взяла с собой Шей. Они пришли на прием ко мне домой, и Шей застала меня в один из не самых мужественных моментов.

Я бы предпочел, чтобы она не видела меня таким: сломленным, измученным, беззащитным, настоящим.

Кроме того, я бы предпочел, чтобы Ланс не умер, но вы знаете, как это бывает. Желания, мечты, надежды – все это вымысел.

– Ты уверен, что хочешь устроить вечеринку? – спросил Грейсон, понизив голос и оторвав меня от мыслей о Шей.

Другие парни за столом говорили о баскетболе и девушках, но Грейсона это, похоже, не смущало.

– Учитывая, что это день рождения Ланса.

Он был единственным, кто знал о дне рождения моего дяди, и я был ему благодарен. Грейсон был в курсе, потому что обращал внимание на такие вещи. У него была невероятная память, и он всегда использовал ее во благо. Моника знала о Лансе только потому, что собирала любую информацию, которую могла каким-то образом использовать в качестве оружия против своих будущих жертв. Она была полной противоположностью Грейсону.

Я пожал плечами.

– Думаю, лучше провести время с людьми, чем в одиночестве.

Он попытался возразить, но я покачал головой.

– Все в порядке. Мне нужна компания. Кроме того, Моника уже не откажется от этой идеи.

– Я мог бы устроить вечеринку у себя, – предложил он.

Я отказался. Вечеринка дома у Грейсона – совсем не то же самое, что вечеринка у меня. Мои родители были бы недовольны, но быстро остыли бы. Но если бы отец Грейсона узнал о том, что он организовал вечеринку, его наказание было бы гораздо суровее. У мистера Иста жесткая рука, и он не стеснялся использовать ее на своих жене и сыне.

Ему повезло, что я ни разу не видел, как он поднимал руку на моего друга. Он бы быстро ее лишился.

К нашему столу подошла компания девочек, хихикающих, как чертovy школьницы. Не секрет, что многие девушки были влюблены в Грейсона, – так же, как и в меня. Забавно, потому что Грейсон и я были полнейшими противоположностями. Грейсон был святым, я – дьяволом, но, как выяснилось, при дневном свете женщина может любить ангела, а ночью все равно мечтает о

грехе.

– Ходят слухи, что в эту субботу ты устраиваешь вечеринку, Лэндон, – протянула одна из девушек, накручивая волосы на палец. – Мы можем прийти?

– Мы знакомы? – спросил я.

– Пока нет, но ты можешь познакомиться со мной на своей вечеринке, – ответила она многозначительным тоном.

Она прижала язык к щеке и демонстративно им подвигала. Боже. Удивительно, что она не залезла мне в джинсы, не выдернула мой член и не начала облизывать его на виду у всей школы.

Было видно, что они младше нас – скорее всего, из десятого класса. Нет никого более озабоченного, чем десятиклассницы. Как будто еще вчера они невинно играли в куклы, а сегодня уже заставляют Барби и Кена трахаться. Я понимаю, почему отцы так беспокоятся о своих дочерях-старшеклассницах. Все это больше напоминает «Girls Gone Wild»[3 - «Girls Gone Wild» – развлекательная франшиза для взрослых, где девушек снимают на видео во время вечеринок.]. Если бы я был отцом, я бы держал ребенка в подвале до его тридцатилетия.

Я проигнорировал ее провокационный жест.

– Если узнаешь адрес, можешь приходить.

Их глаза загорелись от волнения, и они глупо захихикали, тут же отправившись на поиски адреса. Думаю, если бы они меня спросили, я бы им ответил. В тот день я был в милосердном расположении духа.

– Значит, вечеринка все-таки будет? – спросил Грейсон.

Я откусил сухой сэндвич с куриной котлетой и попытался выкинуть из головы и из сердца мысли о Лансе. Вечеринка мне поможет. Во всяком случае, это неплохой способ отвлечься.

– Ага, – уверенно кивнул я. – Будет.

Я поднял глаза и увидел, как Шей разговаривает с каким-то ботаником. Она всегда занималась подобным дерьмом: любезничала с людьми из всех социальных слоев. Окружающие не просто любили ее; они любили ее любить.

Шей была королевской особой старшей школы «Джексон», но не такой стервозной и токсичной, как мы с Моникой. Мы с Моникой нравились людям, потому что мы их пугали. Но Шей любили потому, что она была... школьной принцессой Дианой.

Именно поэтому я ее ненавидел. Я ненавидел ее беззастенчивую радость, ненавидел сам ее вид – уверенный и счастливый. Ее благополучие раздражало меня до чертиков.

С ее сияющими шоколадными глазами и вечно улыбающимися пухлыми губами она действительно была похожа на принцессу. У нее была гладкая загорелая кожа и иссиня-черные волосы, рассыпающиеся по плечам легкими волнами. Идеальные изгибы ее тела вынуждали меня представлять, как она выглядит без одежды. Проще говоря, Шей была красива. Многие парни считали ее горячей, но я не мог с этим согласиться. Называть ее так было глупо и дешево, потому что она была не просто «горячей». Она была ярким светом. Вспышкой, осветившей небо. Чертовой звездой.

Как бы банально это ни звучало, каждый парень хотел ее, а каждая девушка хотела быть ею.

Она дружила со всеми – до единого. Даже если она встречалась с кем-то, отношения никогда не заканчивались плохо. Расставание всегда проходило мирно. Шей не только выглядела чертовой принцессой, но и вела себя, как подобает королевской особе. Хладнокровная, спокойная, собранная. Сдержанная. Она никогда не уходила, не попрощавшись. Она никогда не выгоняла людей из кружков и клубов. Если она устраивала собрания, то приглашала и ботаников, и музыкантов, и футболистов.

Она не верила в разделение по социальным классам, что заметно выделяло ее на фоне всех остальных. Казалось, что в своем развитии Шей опередила нас на пару сотен световых лет и заранее знала, что статус в старшей школе ни хрена не значит. Она не была одной из частей пазла. Она была недостающим фрагментом в любой головоломке. Ей с легкостью удавалось найти место в мире

каждого. И ботаники, и готы говорили о Шей с одинаковыми любовью и восхищением. Для всех она была неиссякаемым светом.

Для всех, кроме меня.

И это меня устраивало. По правде говоря, мне становилось тошно от одной мысли о том, что Шей может относиться ко мне так же, как к остальным, – с добротой и вниманием.

Но я изо дня в день ожидал злобного взгляда ее невинных глаз.

2

Лэндон

Раз в неделю мне приходилось встречаться со школьным психологом. Пока все остальные отдыхали на перемене, я должен был сидеть с миссис Леви, чувствуя себя бракованным товаром.

Оказываясь перед кабинетом, я всякий раз жалел, что не напился, – так мне было бы легче справляться с жалобными взглядами миссис Леви. Я часто сожалел о своем отказе от наркотиков и алкоголя. Долгое время это было лучшим способом заглушить свои мысли.

Миссис Леви жалела меня – это было странно. У меня была хорошая жизнь. Я принадлежал к обеспеченной семье и был одним из самых популярных учеников в школе. У меня были хорошие отметки, и я всегда получал все, чего хотел, – сомневаюсь, что миссис Леви могла сказать то же самое о себе.

Короче говоря, моя жизнь протекала довольно стабильно. Со своими взлетами и падениями, как и у всех остальных.

Так что это я жалел ее.

Работая школьным психологом, она, вероятно, зарабатывала гроши, потому что не была достаточно талантлива, чтобы стать настоящим терапевтом. Муж ее бросил, поэтому школьники, приходившие к ней на прием, по всей видимости, были ее единственной компанией. Мы были всей ее жизнью – подростки-засранцы, которые даже не хотели находиться с ней рядом.

Если это не заслуживает жалости, то что тогда?

Я тоже не хотел там находиться, но знал, что, если не приду, родители устроят мне ад. Ну, во всяком случае, моя мама. Отцу было бы наплевать.

Накануне вечером мама оставила мне голосовое сообщение. Она сказала, что хотела бы провести эту неделю со мной и не оставлять меня одного в день рождения Ланса, но не смогла отменить свою поездку.

Я ее понимал. Нельзя просто так взять и отменить поездку с подругами на Мауи[4 - Мауи – второй по величине остров Гавайского архипелага.]. Это было бы неслыханной глупостью. Кроме того, Карен впервые выбралась куда-то после рождения ребенка, Ребекка в кои-то веки смогла отпроситься с работы, а Ким нужно было развеяться после развода.

«Извини, Лэнд. Я бы хотела остаться с тобой. Я оставила тебе свою кредитку, так что ты можешь заказать еду. Или вызвать повара – его номер на холодильнике. Буду звонить тебе утром и вечером. Высыпайся как следует. Тебе нужен отдых. И не забывай принимать таблетки. Я так люблю тебя, дорогой. Я приеду, и мы поговорим. Я тебя люблю. Пока».

Она всегда говорила «Я люблю тебя» дважды.

Папа ограничился СМС. Его сообщение было гораздо более обнадеживающим.

Отец: Мы, Харрисоны, не слабаки. Выше нос. Ты мужчина.

Да уж, папа.

Если бы за звание «Лучший в Мирах Отец» выдавали наклейку на бампер, на BMW Ральфа Харрисона ее бы точно не было.

Я знал, что, если пропущу встречу с миссис Леви, она сообщит об этом моим родителям и мама попытается отправить меня к моему предыдущему терапевту. Меньше всего мне хотелось идти в вонючий, душный кабинет после долгого школьного дня и рассказывать о своих чувствах шестидесятилетнему мужчине, который, вероятно, трахает свою секретаршу во время обеденного перерыва.

Моим любимым видом терапии было играть в Mortal Kombat до полуночи, пить Mountain Dew и запихивать в рот сложенные пополам куски пиццы – привилегии жизни в доме без родителей.

Во всяком случае, в кабинете миссис Леви пахло розами, а на столе стояла тарелка M&M's с арахисом.

– Итак, Лэндон, – сказала миссис Леви с улыбкой на лице, – как прошла эта неделя?

Она всегда улыбалась, и это казалось мне странным. Для человека, который вынужден иметь дело и с чужими, и с собственными проблемами, она выглядела чересчур счастливой. Возможно, это приносило ей удовольствие – она была любительницей драмы. Наверное, она смотрела документальные фильмы об убийствах в качестве развлечения.

– Так же, как прошлая, – ответил я, сгорбившись в кресле напротив нее.

Ее стол был завален бумагами и фотографиями двух ее племянников. Уверен, что в ее кабинете было больше фотографий этих детей, чем в доме их собственных родителей.

Полгода назад ходили слухи о том, что у миссис Леви случился выкидыш. Люди говорили, что именно поэтому мистер Леви решил ее бросить. После этого ее кабинет стал своего рода алтарем, посвященным ее племяннице и племяннику. Она стала странно одержимой этими детьми, потому что не могла иметь своих

собственных. Ее превратили в какую-то одинокую психопатку.

Я никогда не распространял этот слух. Прошлым летом у моей мамы был выкидыш, и это ее сломило. Она никогда не проводила столько времени дома. С одной стороны, было приятно знать, что рядом с тобой кто-то живет. С другой – было невыносимо каждую ночь слышать ее рыдания.

Вам когда-нибудь приходилось слышать, как мир вашей матери рушится?

Это ранило меня сильнее, чем я мог себе представить.

Папа был слишком занят на конференции в Калифорнии, чтобы вернуться домой и позаботиться о жене, так что мы с мамой остались вдвоем в огромном и пустом доме. Я не знал, как, черт возьми, ей помочь. Я не умел утешать людей. Как помочь человеку, который потерял часть себя? Как сказать ему, что все хорошо, когда на самом деле все очень плохо?

Я не знал, как чинить сломленных людей. Если бы знал, то давно починил бы себя. Поэтому вместо того, чтобы разговаривать с ней и кормить ее обещаниями, я каждую ночь сидел возле ее спальни – до тех пор, пока ее плач не сменялся храпом.

Иногда это занимало пару часов. Иногда рыдания затихали с первыми лучами солнца.

Когда ей стало лучше, она села в самолет и снова исчезла.

Я скучал по ней всякий раз, когда она уезжала. Моя мама не была лучшей из матерей, но когда она была рядом, то полностью мне отдавалась. Так, словно материнство было ее единственным и главным предназначением. Кроме того, даже когда ее не было рядом, она не пропускала ни одного звонка – каждое утро и каждый вечер.

С папой все было иначе. Отец мог находиться со мной в одной комнате и не замечать моего существования. А если он и замечал меня, то в первую очередь видел мои недостатки. Тем не менее я все же ценил его присутствие – это лучше, чем ничего. Хотя и это случалось не так часто.

Можно ли судить меня за то, что я мечтал о трагедии, которая смогла бы объединить моих родителей? Мне было слишком одиноко в таком большом доме, как наш. Мой пес, Хэм, был моей единственной компанией. Он наблюдал за тем, как я играю в видеоигры.

– А как ты себя чувствуешь? Ты в порядке? – спросила миссис Леви.

– Я всегда в порядке.

Я хотел, чтобы она сразу перешла к делу, – к главной причине, по которой мы сидели в ее кабинете.

Какие-нибудь темные мысли, Лэндон?

Нет, миссис Леви. Сегодня нет, но на всякий случай спросите меня об этом завтра.

– Да, но впереди еще целая неделя... – начала было миссис Леви, и по ее интонации я понял, на что она намекает.

Миссис Леви говорила о несчастном случае с Лансом. Это заставило ее немного смутиться. Некоторые люди не умеют говорить о тяжелых вещах, и миссис Леви была одной из них.

Она определенно выбрала не ту профессию.

– Все в порядке, – сказал я, выпрямляясь на стуле. – Я знаю, что в прошлом году я был не в порядке, но сейчас все нормально. Время лечит, верно? С некоторыми пор мне и правда полегчало.

– Исцеление не имеет временных рамок. Оно занимает столько времени, сколько потребуется.

Что ж, к этому моменту я чувствовал себя героем самого банального и клишированного ситкома о старшеклассниках во вселенной.

Миссис Леви наклонилась вперед и понизила голос на несколько тонов:

– Лэндон, скажи честно, что ты чувствуешь из-за Ланса? Ты думал о нем в последнее время?

Он всегда был в моих мыслях – как сигарета, которая никогда не прекращает гореть. Я чувствовал его искру всякий раз, когда закрывал глаза. Это было моим счастьем и моим проклятьем. Иногда я был благодарен за то, что он жил в моих воспоминаниях. В другие дни я ненавидел его за то, что он оккупировал мое сознание. У него была привычка являться без приглашения в самый неподходящий момент. Вам когда-нибудь приходилось целоваться с девушкой, которую вы пытались затащить в постель уже несколько недель? А что насчет того, чтобы ваш мертвый дядя внезапно всплыл у вас голове, потому что девушка пахла лимонами, а лимонные леденцы были его любимыми конфетами?

Это могло показаться притянутым за уши, потому что девушка даже не ела лимонных леденцов. Она всего лишь пахла лимоном, но мой мозг предпочитал работать по-своему – проводить глупые и неуместные параллели.

– Не-а. Я почти о нем не думаю, – солгал я.

Миссис Леви натянуто улыбнулась.

– Почему мне кажется, что ты лжешь?

Потому что это ложь, миссис Леви. Теперь мы можем продолжить?

– Людям бывает хуже, чем мне. Я не имею права жаловаться.

Я пожал плечами и постучал пальцами по краю подлокотника. Затем мой взгляд переместился на тикающие настенные часы, – сеанс тянулся мучительно долго. Я не хотел говорить о своих чувствах. Я хотел вернуться домой и делать то же, что и большинство других людей, – лежать в постели и переосмысливать каждый аспект своей жизни.

Она нахмурилась.

– Мы не должны сравнивать боль.

А стоило бы. Пора создать рейтинг, определяющий право жаловаться, на основе наших заслуг, степени и длительности страданий. В мире существуют люди, которым нечего есть. Люди, у которых нет семьи, которую можно было бы любить. Черт, ведь прямо сейчас где-то есть человек, потерявший всех своих близких в автомобильной аварии. Типографская краска на их свидетельствах о смерти еще не высохла. Следовательно, разве я имею право жаловаться?

Миссис Леви изучала меня, словно пытаюсь понять мою точку зрения или ход мыслей, но она напрасно теряла время. Она могла смотреть на меня с утра до вечера, и у нее все равно не вышло бы проникнуть в мой мозг. Я не впускал людей в свою душу – они не вернулись бы прежними.

– Лэндон, ты же знаешь, что поступок Ланса не имел к тебе никакого отношения, верно? Он страдал от депрессии, с этим очень трудно справиться. Он был сломленным человеком.

Мне хотелось, чтобы она перестала говорить о Лансе так, словно она его знала. Она знала только то, что было написано в его некрологе. Он не был сломленным. Он был моим лучшим другом. Моей семьей. Моим героем. Он и моя мать взяли на себя большую часть моего воспитания, в то время как отец пропадал на работе. Ланс был младшим братом матери, и они были по-настоящему близки. Когда он переехал в наш дом, мы почувствовали, что такое настоящая семья. Ланс научил меня кататься на велосипеде. Он показал мне, как прыгать через лужи. Он научил меня морали и умел заставить меня смеяться.

Миссис Леви не понимала, о чем говорит, но все равно продолжала:

– Его поступок не имел к тебе никакого отношения. Ты это знаешь?

– Ага.

Это тоже было ложью. Мне бы хотелось не связывать тот несчастный случай с собой, но иногда слишком трудно отделить чужую боль от своей собственной. Вот что делает с человеком любовь – ваши сердца превращаются в одно целое. Вы оказываетесь так близко, что не можете отличить их боль от своей.

Я знал, что Ланс страдал от депрессии, и, честно говоря, думал, что я единственный, кто это заметил. Все остальные были слишком заняты собой.

Поэтому я винил себя. Я должен был что-то с этим сделать. Я должен был кому-нибудь рассказать. Я должен был оказаться рядом с ним.

У меня закружилась голова, глаза начали слезиться. Мы, Харрисоны, не слабаки. Выше нос.

Он никогда не говорил мне о своей боли, но я замечал это и без слов. Может, потому что я был очень похож на своего дядю.

Он скрывал это так хорошо, словно его фальшивое счастье было щитом, позволявшим держать всех остальных на расстоянии вытянутой руки. Пока никто не знал о его боли, никто не мог по-настоящему его жалеть, а последнее, чего Ланс хотел, – человеческой жалости.

В эту субботу ему бы исполнилось сорок пять.

Я не должен был об этом думать. Я не должен был позволять ему проникать в мой разум. Но, черт возьми, он уже был здесь.

«Прекрати», – приказал я себе, качая головой. Мысли стали слишком навязчивыми, эмоции рвались наружу. Выше нос. Выше нос. Выше нос.

– Ты все еще со мной, Лэндон? – спросила миссис Леви, выводя меня из оцепенения.

Я поерзал в ее офисном кресле и откашлялся. Заботливые люди вызывали у меня дискомфорт.

– Я могу идти? Не волнуйтесь, я передам родителям, что вы проделали большую работу по исцелению моей души.

– Лэнд...

Ее прервал звук школьного звонка. Свобода. Я вскочил со стула, закинул лямку рюкзака за правое плечо и направился к двери.

– Лэндон, подожди, – крикнула она мне вдогонку.

Я оглянулся. Она улыбалась, и чем шире становилась ее улыбка, тем больше я убеждался в том, что она вызвана ее беспокойством и неловкостью.

– Возможно, сейчас тебе стоит найти себе занятие, это поможет тебе справиться. Отвлекись, переключи внимание на что-нибудь интересное – и тебе станет легче. Хорошо?

Ее добрый совет не имел никакого смысла – все это я знал и без ее слов. Мне нужно было нечто большее: то, на чем действительно можно сосредоточиться. Что-то, что позволило бы мне пережить эти адские недели, наполнило мой разум и заставило забыть о том, что моя жизнь – полный бардак.

Мне нужно было отвлечься.

– Увидимся в следующий понедельник, – сказала она мне, но я не ответил.

Одна мысль о предстоящей встрече вызывала усталость. Впрочем, это была не ее вина.

Я устал от всего.

* * *

Свет обжигает мои глаза – я хочу, чтобы это прекратилось.

Каждое утро, лежа в постели, я изо всех сил пытаюсь заставить себя встать.

Я устал.

Впрочем, у меня нет времени на усталость. Вокруг так много людей, которые рассчитывают на то, что я встану, улыбнусь и буду тем человеком, к которому они привыкли. Это так утомительно. Улыбаться больно, потому что я знаю, что это обман. Я знаю, что за каждой моей улыбкой скрывается хмурый взгляд. Нормально ли это? Неужели так живут все люди? С камнем на душе?

Тяжело.

Мне. Так. Тяжело.

Но я все равно это сделаю.

Я встану с кровати.

Я улыбнусь. Я буду смеяться. Я буду тем, кем они захотят, потому что это то, чего от меня ждут. Они ждут, что я буду сиять.

Даже когда мои огни погасли.

Л.

З

Шей

Мой отец был королем нашего замка, а я – его маленькой принцессой.

Я была его единственной дочерью, что автоматически делало меня его любимицей, но мама все равно не уставала мне об этом напоминать:

– Отец очень тебя любит, но не всегда знает, как это показать.

Это была чистая правда. Мой отец не был хорошим человеком, но в большинстве случаев был хорошим отцом, хоть и не проявлял свою любовь открыто. Он демонстрировал любовь своими действиями и своей критикой. Когда я была ребенком, моя мама училась на медсестру и попросила папу помочь ей с учебой. Он отказал, объяснив это тем, что она должна научиться всему сама, потому что на экзамене ей придется отвечать без него.

Я подумала, что это было беспричинной жестокостью.

Мама не согласилась.

– Он прав. На экзамене я буду одна, поэтому и учить должна без чужой помощи.

Она сдала экзамен, а когда сообщила ему эту новость, в гостиной ее ждало бриллиантовое кольцо.

– Я знал, что ты справишься сама, – сказал он ей. – Ты способна на все и без моей помощи.

Они любили друг друга. Со стороны могло показаться, что мама любила его больше, чем он ее, но я знала их лучше. Мой отец был сложным человеком. Я не могла вспомнить, когда он в последний раз говорил, что любит меня, но он выражал эту любовь взглядами, короткими кивками и крошечной ухмылкой. Когда он был доволен, он дважды кивал в мою сторону. Когда был расстроен – прожигал меня ледяными голубыми глазами. Когда отец был очень недоволен, он пробивал дыру в стене. Когда ему было грустно, он исчезал.

История любви моих родителей сопровождалась годами испытаний. В молодости отец часто попадал в неприятности, продавая наркотики. Хотя об этом не принято говорить, но в своем деле отец был гением. Он был великолепным продавцом. Мама всегда говорила, что он может продать людям дерьмо, и они будут использовать его вместо шампуня. Какое-то время мы вели довольно роскошную жизнь. Но когда он сам стал употреблять наркотики, все начало рушиться. Худшее, что может сделать наркоторговец, – попробовать свой продукт. Спустя время к наркотикам добавился алкоголь, и он стал еще холоднее, чем раньше. Отстраненным. Жестким.

Жестоким.

Много раз он возвращался домой ночью, пьяный и под кайфом. Иногда он и вовсе не приходил.

Однажды его приятеля застрелили, а сам отец попался копам – это стало поворотным моментом. На несколько лет он оказался в тюрьме.

После того как его освободили, он завязал с торговлей и употреблением.

С тех пор как он вернулся домой, прошло уже больше года.

Год, два месяца и двадцать один день.

Но разве кто-то считал?

Мама ненавидела говорить о прежних проблемах отца. Она вычеркнула эти события из жизни так, словно их никогда не существовало. Зато моя бабушка – мы звали ее Мима – не стала открещиваться от прошлого папы. Она переехала к нам с мамой, как только его посадили. Нам нужна была помощь по дому, и Мима без лишних слов взяла на себя оплату счетов. Честно говоря, я была ей благодарна. Отец всегда был очень холоден, а бабушка – его полная противоположность. Она была теплой, открытой и щедрой. Сердце Мимы сделано из золота, и она изо всех сил старалась окружить заботой тех, кого любит.

Пока мы жили втроем, дом казался таким светлым, таким веселым, таким свободным. В то время я спокойно спала по ночам, не опасаясь за отца. По крайней мере, сидя за решеткой, он не сможет нажить себе проблем. Не погибнет из-за неудачной сделки.

Не секрет, что бабушка и отец часто расходились во мнениях. Когда его освободили, он вернулся в дом, думая, что снова станет главой семьи, но у Мимы была другая точка зрения. Они регулярно сталкивались лбами. Мама изо всех сил старалась восстановить мир. Часто это срабатывало. Мима избегала отца, а отец избегал ее.

За исключением тех случаев, когда вся наша семья собиралась за праздничным столом.

Если и существовало что-то, в чем моя семья была по-настоящему хороша, так это в праздновании важных дат. День рождения мамы – одна из них. Ей исполнилось тридцать два, но я могла поклясться, что она не выглядела старше восемнадцати. Люди часто принимали нас с мамой за сестер – и, черт возьми, ей это нравилось. Я была уверена, что в будущем скажу ей спасибо за эти гены.

Моя кузина Элеонора и ее родители Кевин и Пейдж всегда приезжали на наши семейные застолья. Дядя Кевин был старшим братом отца, но, могу поклясться, что он выглядел по меньшей мере на пять лет моложе папы. Неудивительно – жизнь Кевина была куда менее опасной и авантюрной. Морщины на лице Кевина появлялись не от стресса и переживаний, а от смеха и улыбок.

Мима поставила именинный торт на стол и запела «С днем рождения!» – все начали петь вслед за ней. Мама улыбалась от уха до уха. Она села рядом с папой, и я видела, как его рука нежно сжала ее колено.

Иногда я замечала, как папа смотрит на маму с изумлением в глазах. Когда я обращалась к нему в такие моменты, он качал головой и говорил:

– Я ее не заслуживаю. Никогда не заслуживал и никогда не заслужу. Твоя мать святая, она слишком хороша для меня – и слишком хороша для этого мира.

С этим легко было согласиться. Я с трудом представляла, через какие испытания она прошла из-за папы. Мама никогда не рассказывала мне о таких вещах. Я была уверена, что если узнаю все их секреты, то возненавижу отца, – наверное, поэтому мама мне об этом не говорила. Она не хотела опорочить мое мнение о человеке, который меня воспитал. Но я знала, что любить такого мужчину, как мой отец, было непростой задачей. Нужно иметь сильное сердце, чтобы иметь дело с таким человеком, как он. Мама была очень сильной. Если в моей жизни и было что-то постоянное, так это любовь моей матери. Мне никогда не приходилось в ней сомневаться – так же, как и моему отцу. Она была живым воплощением «любви до гроба» – верной до конца. Она полностью отдавала свое сердце тем, кого любила, даже ценой своих страданий.

Мима принялась резать торт, и Пейдж ей улыбнулась.

– Ты обязана дать мне рецепт торта, Мария. Просто пальчики оближешь!

– Ну уж нет, дорогая. Мои рецепты умрут вместе со мной. Я давно решила, что меня похоронят с моей поваренной книгой, – полушутя ответила Мима.

Я не сомневалась, что она унесет эту книгу с собой в могилу. Мама, вероятно, выкопала бы ее голыми руками, лишь бы еще раз попробовать энчилас[5] – Энчила?дас – традиционное блюдо мексиканской кухни, тонкая лепешка из

кукурузной муки с овощной или мясной начинкой.] Мимы. И я бы не стала ее осуждать.

Стряпня Мимы была сродни райской амброзии, и я бы наверняка копала землю бок о бок с мамой в поисках секретного ингредиента бабушкиных домашних лепешек.

Когда перед каждым гостем стояла тарелка с тортом, отец встал из-за стола и прочистил горло. Папа не был любителем речей. Он – довольно тихий человек. Мама всегда говорила, что он продумывал каждое слово так долго, что к моменту, когда они наконец-то были готовы покинуть его рот, он не мог произнести ни звука.

Но каждый год на ее день рождения он произносил тост за маму – не считая тех лет, когда его не было дома.

– Я бы хотел, чтобы вы подняли свои бокалы шампанского, – заявил папа, – и газированного виноградного сока. Камилла, ты всегда была светом для этой семьи и для этого мира, и нам невероятно повезло провести с тобой еще один год. Спасибо, что поддерживаешь эту семью – и меня, – несмотря ни на что. Ты мой мир, мое дыхание, мой воздух, и сегодня все мы чествуем тебя. Поздравляю тебя с еще одним оборотом вокруг солнца.

Все веселились, пили и смеялись. Эти моменты были одними из лучших в моей жизни, воспоминания были наполнены смехом и счастьем.

– О, и, конечно же, твой подарок, – сказал папа, выходя из столовой и возвращаясь с маленькой коробочкой.

Мама немного приподнялась.

– Курт, тебе не стоило ничего мне дарить.

– Ну конечно. Открой.

Мама немного поерзала на стуле, так как все взгляды были устремлены на нее. Она категорически не любила внимание. Развернув подарок, она ахнула:

– Боже мой, Курт. Это уже слишком.

– Только не для тебя.

Мама подняла пару бриллиантовых серег, которые ослепительно переливались на солнце.

Мима подняла бровь.

– Они выглядят довольно дорого, – пробормотала она.

Папа пожал плечами.

– Нет ничего слишком дорогого для моей жены.

– За исключением тех случаев, когда ты подрабатываешь уборщиком и почтальоном, – парировала она.

– Как насчет того, чтобы побеспокоиться о собственных финансах, Мария? Со своими деньгами я разберусь сам, – прошипел ей отец.

Вот оно – напряжение, которое жило в нашем доме. Клянусь, всякий раз, когда они ссорились, воздух становился гуще.

– Спасибо тебе, милый, – сказала мама, вставая и обнимая папу. – Они и правда выглядят очень дорого.

– Не беспокойся об этом. Я откладывал деньги. Ты заслуживаешь таких подарков, – сказал он ей.

Мама выглядела так, словно ей было что сказать, но она предпочла оставить свои мысли при себе. В большинстве случаев она выбирала промолчать.

– Что ж! Давайте съедим этот торт, выпьем еще шампанского и продолжим наш праздник.

Тема серег с бриллиантами была закрыта, и я была за это благодарна. Повезло, что в тот вечер у нас были гости, иначе ссора между Мимой и папой не закончилась бы так быстро.

Элеонора сидела за столом с книгой в руках, ее глаза безостановочно бегали туда-сюда.

– Я рада видеть, что ты стала общительнее, Элли, – пошутила Мима, протягивая ей кусок торта.

Элеонора закрыла книгу, ее щеки покраснели.

– Прошу прощения. Я просто хотела закончить главу перед едой.

– Мне кажется, ты всегда пытаешься закончить главу, – сказала я, подталкивая кузена локтем.

– Говорит мне девушка, которая всегда пытается закончить рукопись, – ответила она.

Туше[6 - Туше? (фр. Touche?) – положение борца в спортивной борьбе, при котором его сопернику засчитывается чистая победа. В словесной дискуссии слово используется как способ признать правоту собеседника.].

Единственное, что объединяло нас с Элеонорой, помимо общей ДНК, – наша любовь к словам и историям. Этого было достаточно, чтобы мы стали лучшими подругами.

Присутствие Элеоноры в моей жизни было сродни свежему букету цветов каждое утро.

Она была умна, добра и освежающе иронична. Могу поклясться, что никто не мог рассмешить меня больше, чем Элеонора.

Тихие люди всегда оставляют самые точные комментарии себе под нос.

– Кстати, о рукописях, – сказала Элеонора, поворачиваясь ко мне и запихивая торт себе в рот. – Когда я смогу прочитать ту, над которой ты сейчас работаешь?

Элеонора читала все мои рукописи – а их было очень много – и, без сомнения, была моей самой большой поклонницей. Она также была моим главным критиком и давала мне советы и комментарии, позволявшие мне совершенствоваться в писательском мастерстве.

Когда я впервые дала Элеоноре прочитать свои записи, я взяла с нее обещание никому о них не рассказывать.

На что она ответила:

– Хорошо, Шей. Постараюсь не разболтать твой секрет мистеру Дарси или Элизабет Беннет. Хотя я не могу обещать, что не расскажу Гарри, Рону или Гермионе.

Она шутила, ссылаясь на то, что, кроме меня, у нее не было друзей. Я этого не понимала. Слишком много людей упускали из внимания столь выдающегося человека, как Элеонора Гейбл.

Раздался звонок: на мой телефон пришло сообщение. Затем еще и еще – звонки стали почти непрерывными. Мама посмотрела на меня с понимающей улыбкой.

– Трейси?

– Конечно, – ответила я.

Единственным человеком, который безостановочно писал сообщения, не получая ответа, была моя близкая подруга Трейси. Мы выросли вместе, и все знали, что Трейси была чересчур болтливой. Она была капитаном группы поддержки и президентом студенческого совета, – Трейси была воплощением духа старшей школы. Конечно, я тоже участвовала в школьной жизни, но Трейси была на совершенно другом уровне. Она жила и дышала школой.

Неудивительно, что она была одной из самых популярных девчонок. Умная, красивая и забавная. Некоторые парни были почти напуганы ее отчаянным

стремлением участвовать в общественной жизни – к несчастью для них.

Трейси: О. Боже. Мой! В эту субботу Реджи собирается на ВЕЧЕРИНКУ у Лэнда! ШЕЙ, МЫ ДОЛЖНЫ ТУДА ПОЙТИ.

Трейси: Прежде чем ты скажешь «нет» (а я знаю, что ты уже собираешься это сделать), МНЕ НУЖНО, НУЖНО, НУЖНО там быть!

Трейси: Мне нужно, чтобы ты пошла со мной.

Трейси: Два слова: там будет Реджи.

Трейси: Ой, это три слова, но ты меня поняла!

Трейси: ПОЖАЛУЙСТА, ШЕЙ! Ты мне нужна. Реджи – ТОТ САМЫЙ, и на вечеринке у Лэнда он это поймет.

Трейси: Ты согласна?

Трейси: Я прослежу, чтобы вы с Лэндоном даже не пересекались, не говоря уже о том, чтобы дышать с ним одним воздухом.

Трейси: Я куплю тебе пони и все, что ты захочешь. Согласна?!

Драматичные сообщения Трейси меня рассмешили. Она была по уши влюблена в этого новенького, Реджи. Он был из тех парней, от которых Трейси всегда теряла рассудок: чересчур мужественный, дерзкий, излишне красивый и прекрасно осведомленный о своей внешности. Я знала его только по рассказам Трейси и тому, что я видела во время наших кратких встреч в школе, но была уверена, что у Реджи было то, что я называла МН – Мудачкие Наклонности. Пока у меня не было достаточно информации, чтобы понять, являлся ли он членом клуба АБП – Абсолютно Безнадежным Придурком, но я медленно, но верно собирала данные в надежде уберечь свою подругу от неприятностей.

Я была профессионалом в чтении людей. То, что я частенько использовала реальных людей в качестве прототипов для своих героев, этому изрядно поспособствовало. Обычно мне было достаточно одного взгляда, чтобы понять, кто передо мной, – герой, злодей или второстепенный персонаж, но разгадать некоторых людей было не так просто. Я ждала удачной возможности оказаться рядом с Реджи, чтобы по-настоящему понять, что он из себя представляет.

Трейси: Молчание – знак согласия?

Я: Хочу белого пони по имени Марси.

Трейси: Вот почему я люблю тебя больше всех на свете.

Пойти на вечеринку в дом Лэндона было странно. Наша ненависть была проверена временем, и я никогда не ходила к нему на вечеринки, хотя в прошлом году он устраивал их довольно часто. С тех пор как его дядя скончался, он собирал тусовки чуть ли не каждые выходные.

Я взяла за привычку на них не появляться, но, видя, как Трейси жаждет встретиться с Реджи, я посчитала, что обязана выполнить свой дружеский долг. Я надеялась, что на вечеринке будет столько народу, что мне вообще не придется общаться с Лэндоном.

У нас было множество общих друзей, и я очень их любила, но с самим Лэндоном мы никогда не ладили. Он ненавидел меня, даже будучи ребенком. Однажды он назвал меня цыпленком, потому что я не стала курить на вечеринке. С тех пор он всегда звал меня Цыпленком. Я называла его Сатаной – по понятным причинам.

Нам удалось нормально пообщаться всего один раз – когда Мима взяла меня с собой на похороны Ланса. Прием после церковной службы проходил в его доме, и я случайно наткнулась на Лэндона, когда искала ванную. Он сидел в своей спальне в костюме и галстук и, задыхаясь, рыдал на кровати.

Я не знала, что делать, – я не была его другом. Мы даже не были знакомы. Говоря откровенно, мы больше напоминали врагов. Но в тот момент он выглядел таким одиноким, таким разбитым. Возможно, он мне не очень нравился, но я знала, как он любил Ланса. Все знали, что Ланс заменил ему отца. Его настоящий отец ограничивался тем, что пополнял банковский счет Лэндона.

Я смотрела, как он плачет, и не знала, как себя повести, поэтому сделала единственное, что пришло мне в голову. Я пошла и села рядом с ним. Ослабив его затянутый галстук, я обнимала его, пока он безудержно рыдал в моих объятиях. Я видела, как в эти моменты вся его душа разбивалась на тысячи осколков.

На следующий день в школе я подошла к нему, когда он доставал книги из своего шкафчика. Я хотела убедиться, что с ним все в порядке. Он поморщился и захлопнул дверцу. Немного опустив голову и не глядя мне в глаза, он тихо и сдержанно произнес:

– Мы не будем разговаривать, Цыпленок. Раньше ты никогда не заботилась о моих чувствах, так что не нужно жалеть меня сейчас только потому, что Ланс мертв. Мне не нужна твоя благотворительность. Иди и поговори с тем, кому на тебя не насрать, – и это точно не я.

Мы так и не поговорили о его срыве. Иногда мне казалось, что все это мне приснилось. Честно говоря, меня это не задевало. Если он не собирался поднимать этот вопрос, то зачем мне это делать? Мы продолжили ненавидеть друг друга, и определенность в наших отношениях меня устраивала, но... какая-то часть меня все еще о нем думала. Я размышляла о том, что происходит в душе у самого популярного парня в школе. О том, что никто этого не замечает.

Хотя, может быть, это была временная боль; тип боли, которая постепенно утихает. Возможно, сейчас с Лэндоном все было в порядке. В любом случае, он ясно дал понять, что это не мое дело.

Я должна была продумать план действий для его вечеринки: приберечь несколько грубых замечаний, почаще сворачивать в коридор, когда я его увижу, и всеми силами его избегать.

– Привет, Элеонора. – Я подтолкнула ее в плечо.

Она уже съела свой кусок торта и вернулась к чтению.

– Хочешь пойти на вечеринку со мной и Трейси в эту субботу?

– Это вечеринка для чтения? – спросила она, приподняв бровь. – Там будут читать? Ну, знаешь, когда люди собираются вместе, садятся в круг и полностью игнорируют друг друга в течение нескольких часов, с головой погружаясь в книгу? Это будет в библиотеке? Может, нам подарят закладки?

Я рассмеялась.

– Не-а.

– Ой. Тогда я пас.

Она тут же вернулась к чтению. Однажды я поклялась, что затащу ее на дурацкую школьную вечеринку и она ужасно проведет время – как все нормальные подростки.

Кто знает? Может, она встретит свою первую любовь. Или просто влюбится. Мама всегда говорила, что первый шаг к любви – это глубокая симпатия. Тогда любовь не так внезапна и опасна. Однако Элеонора никогда не позволяла себе влюбляться. Моей кухне не нравились парни, разве что выдуманные, но я очень надеялась, что однажды кто-нибудь сведет ее с ума. С другой стороны, это могла быть моя очередная выдумка. Во всех своих рассказах я стремилась к долгой и счастливой жизни и желала того же людям, которых любила.

Тем не менее у меня было стойкое ощущение, что Элеонора прожила бы совершенно счастливую жизнь, будучи запертой в темнице с пятью миллионами книг.

Что? И как же умерла Элеонора Гейбл?

Окруженная миллионом «хеппи-эндов» и горсткой неудачных концовок.

Пока Элеонора углублялась в свою книгу, я пыталась осознать тот факт, что собираюсь на вечеринку Лэндона. Я войду в дом к парню, которого я ненавижу и который ненавидит меня в ответ.

Будем честны: я была совершенно к этому не готова.

4

Шей

Большую часть субботнего утра я провела, успокаивая Трейси. Моя подруга обладала уникальным талантом надумывать себе миллионы поводов для беспокойства. Мама пыталась уговорить меня остаться дома и поесть китайской еды на семейном ужине, но я знала, что Трейси убьет меня, если я брошу ее в последнюю минуту.

Но, если честно, в поединке между яичными роллами и Лэндоном явно побеждал первый вариант.

– Боже, я с ума схожу от беспокойства, – выпалила Трейси, когда мы стояли у дома Лэндона.

Я.

На крыльце Лэндона.

Дерьмо.

На секунду я задумалась об отступлении. Я представила, как развернусь на пятках и спокойно дождусь следующей вечеринки в каком-нибудь другом доме. Странное чувство в животе не давало мне покоя с того самого момента, как я решила пойти на эту вечеринку. Я знала, что слишком себя накручиваю, но тот факт, что в последний раз, когда я была в этом доме, мои руки обнимали Лэндона, не давал мне покоя.

Этот интимный момент, мимолетно проскользнувший в нашу многолетнюю ненависть, так живо запечатлелся в моей памяти, словно все это произошло накануне. Я видела его глубокие голубые глаза, полные печали, я ощущала, как его тело дрожит от моих прикосновений, я чувствовала его боль, такую грубую и незамутненную. Он был полной противоположностью тому Лэндону, которого я видела в школе. Он всегда казался таким равнодушным, словно он находился в нашем мире, но не был его частью. Он был самоуверенно хладнокровен, спокоен и собран, как будто ничто и никто не мог его потревожить. В тот вечер, когда я обнимала его, сидя на его кровати, я видела его сердце – его нежное, страдающее сердце, истекавшее кровью.

Возможно, он истек кровью куда сильнее, чем большинство людей.

Я посмотрела на свою воодушевленную подругу. Трейси не переставала говорить о Реджи и о вечеринке с того дня, как о ней узнала. Она была убеждена, что домашние тусовки – лучшее место для флирта. По мнению Трейси, кокетничать в школе было бы глупой затеей. Она предпочитала приглушенный свет, громкую музыку и текилу.

В первую очередь текилу.

– Никак не могу успокоиться, – пожаловалась она, отрывая меня от мыслей о Лэндоне.

– Почему? Ты великолепна, и, если Реджи этого не заметит – он псих, – сказала я ей, пока она красила губы.

Она протянула мне тюбик помады, чтобы я сделала то же самое.

– Да? Как считаешь, я не переборщила с нарядом? Хочу выглядеть сексуально, но не как шлюха. Типа «да, у меня есть сиськи, но ты не можешь их трогать».

– Ты можешь быть полностью голой, и это все равно не даст парню права прикоснуться к тебе без разрешения, – объяснила я. – Кроме того, одежда не делает тебя шлюхой. Это просто глупые стереотипы.

Сказав это, я внутренне поклялась, что однажды стану такой же, как мои мать и бабушка, – буду проповедовать о достоинстве женщины, зная, чего я заслуживаю и чего не заслуживаю от мужчин.

Она хихикнула и закатила глаза.

– Хорошо, мать Тереза. Так как выглядят мои сиськи?

Я рассмеялась.

– Будь я на месте Реджи, я бы точно не упустила своего.

Трейси заправила волосы за уши, прежде чем нервно выправить их в исходное положение. Она очень суежилась, когда нервничала.

– Хорошо. Хорошо. Он всего лишь школьник. Пусть и самый горячий во всех старших классах. Он всего на четыре месяца старше меня – это же ерунда, верно? Нет необходимости проявлять инициативу, но, опять же, если я не сделаю первый шаг, то, возможно, он подумает, что он мне не нравится, а это совсем не так, и, и...

– Трейси, – вмешалась я.

– Да?

– Дыши.

Она выпустила облако горячего воздуха.

– Хорошо.

– Просто будь собой, и если этого будет недостаточно, то к черту Реджи. В этом мире есть и другие парни.

Она хихикнула.

– Тебе легко говорить. Парни бросаются на тебя каждый день, Шей. Не все рождаются настолько безупречными.

Я не ответила, потому что Трейси всегда говорила такие вещи, и это вызывало у меня странные чувства. Я не хотела, чтобы мной интересовались только благодаря моей внешности, но произносить такие вещи вслух казалось мне очень фальшивым и раздражающим. Я знала, что я привлекательна, но по какой-то причине мне было стыдно в этом признаваться, хотя свою внешность я не выбирала. Думаю, это было моим наименее интересным качеством.

Я бы предпочла, чтобы парни интересовались мной из-за моего воображения, моего чувства юмора или из-за того, что я знаю сюжет «Зачарованных»[7 - «Зачарованные» – американский телесериал, созданный телекомпанией Spelling Television и впервые вышедший на экраны в 1998 году.] практически наизусть, а не просто потому, что я выгляжу сексуальной.

Благодаря маме мне повезло с генами. Мима называла это нашим подарком от рода Мартинез. Клянусь, бабушка выглядела так, будто ей было сорок, а не шестьдесят. Ее кожа была безупречной. Папа всегда шутил, что я выгляжу, как копия мамы, и во мне нет ни грамма его генов.

– Эта мочка уха определенно моя, – комментировал он, – и твой безымянный палец тоже от меня.

У меня были глубокие шоколадные глаза, пухлые губы и кудрявые угольно-черные волосы. Изгибы моего тела в точности повторяли фигуру мамы, что, по всей видимости, очень нравилось парням. Но именно это и останавливало меня, когда дело доходило до отношений. Если парень первым делом упоминал о моем теле, я сразу знала, что оно никогда не будет ему принадлежать.

– Ты больше, чем твое тело, и только тот, кто это замечает, заслуживает быть с тобой рядом, – всегда говорила мне Мима, и я была уверена, что в свое время те же слова она говорила и маме.

Мы с Трейси вошли в дом, и я выдохнула, осознав, что все это время я задерживала дыхание.

Я сделала это. Пересекла врата в логово Сатаны и смогу рассказать об этом внукам. И, что удивительно, я все еще жива. Ангелам вроде меня не положено танцевать в одной комнате с выходцами из Ада.

Оглядев комнату и заприметив нескольких своих друзей, я окончательно успокоилась. Все под контролем. Я могу быть собой и чувствовать себя прекрасно, зная, что рядом вся моя компания.

– Смотри, вот он! – закричала Трейси, пихнув меня рукой.

Она кивнула в сторону камина, где Реджи тусовался с несколькими парнями из футбольной команды. В руке у него было пиво, и он громко смеялся – вероятно, с тем самым южным акцентом, который сводил с ума добрую половину старшекласниц.

– Давай поздороваемся, – предложила я, и Трейси тут же напряглась.

– О, ради всего святого, Трейс, давай же. Он не кусается, а если и кусается, то я уверена, что это приятно, – пошутила я, подтолкнув ее вперед.

Когда мы подошли к их компании, разговор прекратился, и все ребята ухмыльнулись, глядя в нашу сторону.

– Так-так-так, – протянул Эрик, оглядывая меня и Трейси с головы до ног. – Кто это к нам пожаловал... – сказал он, присвистнув.

Я широко улыбнулась и толкнула Эрика в бок.

– Так рада, что мы увиделись, – как раз искала повод закатить глаза, – поддразнила его я.

Некоторое время мы с Эриком встречались. Вернее, мы поцеловались в общей сложности три раза, прежде чем он сказал, что я понравилась бы ему больше, будь у меня пенис. Зато честно. Эрик не говорил о своей ориентации никому, кроме меня, но его секрет был в безопасности. Лучшее, что мы вынесли из наших пятимесячных отношений, – это крепкая дружба.

Да, мы встречались пять месяцев и целовались всего три раза. Мне явно стоило задуматься намного раньше, но, когда речь идет о первом парне, не стоит сильно полагаться на разум.

– Что ж, тебе повезло, – прокомментировал Эрик, обнимая меня за плечо. – Сегодня вечером я чувствую себя особенно раздражающим.

Трейси стояла неподвижно, нервничая и чувствуя себя не в своей тарелке. Она тонула в собственных сомнениях, и, как хорошая подруга, я была готова протянуть ей спасательный круг.

– Эй, Реджи, ты хорошо играешь в бирпонг[8 - Бирпонг (англ. beer pong) – популярная в среде американских студентов игра, в которой нужно закидывать шарик от настольного тенниса в стаканы с пивом противника.]? – спросила я.

– Я лучший, – дерзко ответил он, и я могу поклясться, что видела, как моя подруга упала в обморок только от этих двух слов.

Поскольку Реджи предназначался не мне, я перешла к исполнению своего плана.

– Кстати, Трейси – действующая чемпионка. Она никогда не проигрывала.

Реджи повернулся к Трейси и приподнял бровь. Господи, даже его брови были дерзкими.

– Это правда?

– Э-э, думаю, да. Я никогда не проигрывала?..

Трейси запнулась, и это прозвучало как вопрос. Мой бедный перепуганный птенец. Если бы она немного расправила крылья, то вспомнила бы, что умеет летать.

– Ага. Вам, ребята, стоит объединиться и организовать турнир. Будет весело, – предложила я.

Реджи пожал плечами.

– Да, пожалуй. Давай выпьем и поиграем. Тебя ведь зовут Трейси, да?

Ее щеки стали краснее помидоров.

– Да, Трейси с буквой «и» на конце, хотя можно произносить и без нее, но моя мама подумала...

– Остановись, – я кашлянула себе в руку, легонько толкнув подругу в плечо.

Она покраснела еще больше и замолчала.

– Да, ее зовут Трейси.

Перед тем как уйти, она наклонилась ко мне и прошептала:

– Клянусь, сегодня ночью ты получишь пони. Кроме того, здесь Эрик, так что ты можешь попробовать прокатиться и на его пони.

Она ухмыльнулась и подмигнула, гордая своей шуткой.

О, Трейси. Если бы ты только знала, что пони Эрика не возит всадников с XX-хромосомой.

Они поспешили к столику с напитками. Трейси болтала обо всем на свете, пока Реджи украдкой поглядывал на ее сиськи.

– Ты же знаешь, что он просто потратит ее время, верно? Он полный придурок, – произнес Эрик. – Все то время, пока он сидел с нами, он разговаривал только о том, сколько девушек трахнул у себя дома.

Я вздохнула.

– Да, я так и думала, но сердцу ведь не прикажешь.

А сердце Трейси выбрало свою цель и было готово к следующей ошибке.

– Вот так и подхватывают герпес, – сказал Эрик, заставив меня хихикнуть.

Когда Лэндон вошел в комнату, мое собственное сердце повело себя странным образом. Было глупо отрицать то, что он вырос чертовски привлекательным. За эти годы он превратился из раздражающего мальчишки в раздражающего мужчину, и произошло это совершенно внезапно. Я бы хотела, чтобы его неуклюжая подростковая фаза с брекетами продлилась немного дольше, но и в этом мне не повезло. Сейчас у него была идеальная улыбка, идеальные голубые глаза, растрепанные каштановые волосы и безупречное тело. Такое чувство, что за одну ночь он превратился из тощего мальчика в непобедимого Халка. Его мускулы были Мускулами с большой буквы, и каждый раз, когда я украдкой на них смотрела, мне казалось, что они сводят меня с ума.

Наши взгляды встретились, и он уставился на меня, словно говоря: «У тебя действительно хватило наглости здесь появиться, да?»

Да, Лэндон, я здесь, и ты не пугаешь меня своим дурацким видом.

Должно быть, он принял это за вызов, потому что направился в нашу сторону с красным пластиковым стаканчиком в руке и той же проклятой ухмылкой на губах.

Я ненавидела, как он мне улыбался. Это всегда казалось таким зловещим.

Я ненавидела и то, что какая-то часть меня находила эту улыбку привлекательной. Жаждала этой улыбки. Иногда я разглядывала Лэндона издали, ожидая, растянется ли его рот в ухмылке. Но большую часть времени он ходил с недовольной гримасой. Если бы Лэндон был одним из «Заботливых Мишек»[9 - «Care bears» – американский мультсериал о вымышленной вселенной, где обитают мишки.], он определенно был бы Ворчуном.

Лэндон подошел к нам с видом «слишком крутого для школы» парня – каким он и являлся – и уселся прямо между Эриком и мной. Мне не нравилось, когда он находился так близко. Волоски у меня на руках торчали дыбом.

– Эрик, Цыпа, рад вас видеть – вернее, одного из вас, – сказал Лэндон, делая глоток из своего стакана. Затем он повернулся и посмотрел мне в глаза. – Удивлен, что у тебя хватило наглости тут появиться.

Я скрестила руки на груди, пытаюсь не обращать внимания на мурашки, бегущие по моей спине.

– Поверь, это последнее место, где я хочу находиться, и я пришла сюда исключительно ради Трейси.

– Тебе не нужно придумывать отмазки, чтобы заявиться ко мне домой, Цыпа.

– Мне незачем тебе лгать, Сатана, – огрызнулась я в ответ.

Глупое прозвище «Цыпленок» ужасно меня раздражало. Честно говоря, я бы предпочла, чтобы он называл меня простой курицей. Называться Цыпой было унижительно – словно я была девушкой, которая недостойна настоящего имени, просто какой-то цыпочкой, которую он на дух не выносит.

Цыпа.

Цыпа.

Цыпа.

Фу. Что за придурок.

Мое раздражение его раззадоривало, поэтому я изо всех сил старалась сохранять эмоции под контролем всякий раз, когда оказывалась рядом с ним. Мне не хотелось доставлять ему удовольствие видеть мою злость. Да, мой пульс зашкаливал, но ему необязательно было об этом знать.

– Не могли бы вы двое наконец потрахаться и перестать друг друга ненавидеть? – пошутил Эрик, закатив глаза.

– Отвратительно. – Я сделала вид, что меня тошнит.

– Лучше умереть, – возразил Лэндон. – Кроме того, меня не интересуют твои ненормальные подружки.

– В моих подругах нет ничего ненормального.

Эрик подмигнул мне, и я улыбнулась. Он всегда заставлял меня чувствовать себя нужной, даже когда такие люди, как Лэндон, настаивали на обратном.

– Я пошел за пивом. Лэндон, найдешь меня, если захочешь поиграть в видеоигры. Шей, я бы и тебя пригласил, но...

– Он ненавидит тебя так же, как и я, – вмешался Лэндон, хотя я была на девяносто девять процентов уверена, что Эрик планировал сказать совсем не это.

Вероятно, он знал, что у меня нет особого желания находиться в одном пространстве с Лэндоном больше двух минут.

Уходя, Эрик направил на нас обоих указательный палец.

– Всего один быстрый перепихон. Член внутрь, член наружу. Уверяю вас – это лучший способ выплеснуть ненависть.

– Никогда, – сказали мы в унисон, и это был один из немногих случаев, когда мы оказались на одной волне.

Мы немного постояли наедине, бросая друг на друга недовольные взгляды, пока атмосфера не стала слишком неловкой.

Я прочистила горло.

– Прошу прощения, но я собираюсь уйти и проводить время где угодно, только не здесь.

– Аналогично, – ответил он, и мы разошлись в разные стороны.

Лэндон

Я не должен был устраивать вечеринку.

Мне не потребовалось много времени, чтобы пожалеть об этом решении – в прихожей толпились люди, со многими из которых я даже не был знаком. Кучка случайных подростков решила прийти просто потому, что здесь можно было найти наркотики и выпивку, а если повезет – то с кем-нибудь переспать. Кроме того, добрая половина присутствующих, вероятно, никогда в жизни не была в особняках.

Я думал, что вечеринка поможет мне отвлечься от мыслей о Лансе, но это было ошибкой. Несмотря на то, что меня окружала толпа людей, воспоминания о лучшем человеке, который когда-либо был в моей жизни, продолжали меня поглощать.

Сорок пять.

Сегодня ему бы исполнилось сорок пять.

– Может, вызовешь полицию, чтобы всех этих людей выгнали, а потом просто поиграешь в видеоигры? – спросил меня Грейсон, стоя у камина в гостиной, в то время как десятки новых гостей проталкивались в комнату, устраивая беспорядок, на который мне было наплевать.

– Нет, все в порядке. – Я пожал плечами, проведя рукой по затылку.

Он улыбнулся, но я знал, что это – фальшивая улыбка Грейсона, которая появлялась, когда он не хотел выдавать свои мысли.

Я подтолкнул его локтем.

– Расслабься, ладно? Налей себе выпить и ни о чем не думай.

– Да, хорошо. Я просто знаю, что сегодня...

Я перебил его, потому что знал, что он собирается сказать, а у меня не было никакого желания обсуждать эту тему.

– Ладно, тогда увидимся позже.

Я похлопал своего лучшего друга по спине и поспешил прочь – главным образом потому, что не хотел в очередной раз услышать вопрос, в порядке ли я. Я был в порядке – хорош как никогда.

Спустя несколько часов я сидел в своей спальне – так происходило всякий раз, когда у меня дома была вечеринка. Вместе со мной были Грейсон, Эрик и Хэнк. Другим не разрешалось входить в мою спальню, и, если кто-нибудь пытался зайти, я обрушивался на них с ругательствами, делая все возможное для того, чтобы им больше никогда не пришло в голову сюда сунуться. Грейсон частенько называл меня Скруджем[10 - Эбенизер Скрудж – персонаж повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе», скупердй и брюзга.] и вполне справедливо. Я без лишних церемоний выгонял людей из своей комнаты. Последнее, что мне хотелось видеть, – пьяную парочку, трахающуюся на моих итальянских простынях.

Кроме того, моя спальня была единственным безопасным местом для Хэма – не хватало, чтобы какой-нибудь пьяный или обкуренный подросток полез на мою собаку.

Эрик и Хэнк раскурили сигареты и болтали о какой-то ерунде, не давая мне окончательно погрузиться в свои темные мысли.

– Ребята, вы уже скачали новую SimCity? – спросил Грейсон, засунув руки в карманы.

– Черт возьми, ты еще спрашиваешь? – отозвался Хэнк, затянувшись и передавая сигарету Эрику. В его голосе чувствовалось явное воодушевление. – Я сказал родителям, что не буду выходить из своей комнаты как минимум месяц. Я собираюсь пройти ее от и до.

Хэнк был brutальным и мужественным парнем с низким голосом. В школе было непросто найти кого-то крупнее меня, но этот чувак обошел меня и по размаху плеч, и по обхвату бицепсов. Кроме того, на его лице было значительно больше

растительности, чем у любого подростка нашего возраста. Эрик называл его Человеком-обезьяной из-за темных волос, торчащих из-под ворота его майки, но Хэнк не придавал этому большого значения. Мы все друг друга подкалывали; именно поэтому мы знали, что наша дружба была настоящей.

Но главной особенностью Хэнка, при всей его обезьяньей внешности, было то, что всякий раз, когда он был чем-то взволнован, его голос становился высоким, как у Бритни Спирс. То же самое происходило, когда он смеялся, – а Хэнк всегда был чем-то взволнован или смеялся, и это частенько нас развлекало. Даже в самые плохие дни мне было достаточно одного его смеха, чтобы почувствовать себя лучше. Было очевидно, что между ним и Рейн что-то есть. Рейн любила шутить, а Хэнк любил смеяться.

Он хлопнул в ладоши.

– Чувак! Это будет отпадно.

Он говорил и говорил об игре так, словно выход SimCity был событием, сопоставимым со вторым пришествием Иисуса.

Эрик пожал плечами.

– По-моему, это глупости.

Этого было достаточно, чтобы оскорбить бедного Хэнка до глубины души. Спустя мгновение они отчаянно спорили о том, кто из них тупица, который ничего не смыслит в по-настоящему качественных играх.

Время от времени Грейсон вставлял пару слов, но большую часть времени он, вероятно, прокручивал в уме баскетбольную статистику.

– Ладно, ладно, и что, по-твоему, является хорошей игрой? – спросил Хэнк.

Ответ Эрика последовал незамедлительно:

– Super Mario Sunshine[11 - Super Mario Sunshine – видеоигра из серии игр о водопроводчике Марио, разработанная Nintendo.].

Хэнк в ужасе застонал.

– Черт возьми, это самое гейское, что я когда-либо слышал. Не могу поверить, что поделился с тобой сигаретой.

При слове «гей» Эрик слегка вздрогнул. Я достаточно знал о людях, чтобы понимать, когда им становится неловко. Эрик всегда слегка напрягался при словах «гей» или «педик», но быстро отшучивался и переводил разговоры в другую сторону.

Меня удивляло то, что другие этого не замечали, но это было делом Эрика и не касалось никого, кроме него самого. Когда он будет готов, он сам об этом расскажет. А до тех пор будут только неловкий смех и уход от неудобных разговоров. Иногда я сам переводил тему, чтобы он не чувствовал себя некомфортно. Он никогда не благодарил меня напрямую, но в этом не было необходимости. Именно так и поступают настоящие друзья – поддерживают друг друга, когда что-то идет не так.

– Эй, можно я закурю? – раздался голос позади меня.

Я поднял взгляд и увидел, что в дверях стоит новенький южанин и не сводит глаз с сигареты в руке Хэнка. Он вошел в спальню с видом хозяина, выхватил сигарету из руки Хэнка и сделал большую затяжку.

Закончив, он передал ее Эрику и немного нахмурился.

– Черт, я скучаю по сигаретам из Кентукки. Клянусь, все то дерьмо, что вы здесь курите, – отстой. Это совсем не то же самое. Вы бы неделю от них отходили.

Курево так не работает, Реджи. Придурок. Люди не отходят от него неделями.

Он вмешался в наш разговор и превратил его в свой монолог, посвященный чертову великому Кентукки. Еда, сигареты и сраный спорт. Никогда в жизни не видел, чтобы парень так возбуждался от разговоров о штате. Мне было достаточно блюграсса[12 - Блюграсс – жанр американской музыки кантри родом из штата Кентукки.], бурбона и KFC.

Если бы Кентукки был членом, Реджи бросился бы его отсасывать.

– А что здесь с девчонками? – протянул он, переводя взгляд с одного на другого.

– Ты о чем? – спросил Хэнк.

– Дерьмо, я просто ищу случайные знакомства. Знаете кого-то подходящего?

Я опустил голову, чтобы наконец-то закатить глаза. Этот парень был похож на ребенка с плаката «Вы растите придурка?». Я с трудом выносил его присутствие. Это ведь не может быть правдой, да? Невозможно быть настолько пустым. Я не мог поверить, что все девочки в школе на него вешаются.

Хэнк пожал плечами.

– Не знаю. Девчонки тут крутые, но мы с Рейн уже четыре года вместе, поэтому я не ищу, с кем переспать, – ответил Хэнк.

Хэнк имел твердые принципы насчет обязательств. Вероятно, они с Рейн могли бы стать той самой парочкой, которая будет отплясывать на свадьбе у своих внуков.

Хэнк продолжал говорить, а я все еще надеялся, что Реджи уйдет. Каждый раз, когда он затягивался сигаретой и болтал о каком-то дерьме, мне хотелось вырвать самокрутку у него из рук и пинками выпроводить из комнаты. Сам я уже не курил, но курево нам поставлял КейДжей – мой бывший дилер. Я знал, что оно хорошее. Реджи понятия не имел, о чем говорит.

Он подошел, чтобы погладить Хэма, и пес тут же оскалил на него зубы.

Хороший мальчик.

– Если хочешь знать мнение главного знатока девчонок, то обращайся к Лэндону. У него было больше девушек, чем у Билла Клинтона[13 - Билл Клинтон – Уи?льям Дже?фферсон Кли?нтон, при рождении – Уильям Джефферсон Блайт III – американский государственный и политический деятель, 42-й президент США от Демократической партии.], – произнес Эрик.

Я застонал, не желая втягиваться в этот разговор с Реджи.

– Да ну? Может быть, ты сможешь помочь, гангста, – сказал Реджи, подтолкнув меня под руку.

Гангста. Этот белый мальчик из Кентукки, одетый в огромную рубашку Biggie Smalls[14 - Biggie Smalls – американский рэпер, актер и основатель рэп-группы Junior M.A.F.I.A. Широко известен как один из величайших рэперов всех времен.], только что назвал меня «гангста», и это стало последней каплей – я на дух не переносил новенького.

Я пожал плечами.

– Похоже, несколько минут назад ты неплохо проводил время с девушкой. Сомневаюсь, что тебе нужна помощь.

– Ты имеешь в виду ту девчонку, Стейси? Нет, она слишком... не в моем вкусе.

– Трейси, – поправил я, сам не зная почему.

Ему было плевать, но меня раздражало то, что он имел наглость называть ее неправильным именем. Вероятно, он был одним из тех придурков, которые намеренно называли девушек другими именами, чтобы казаться крутыми и равнодушными.

Знаете, что еще меня беспокоило? Что он был в моей комнате и курил мои сигареты.

– Трейси, Стейси, неважно. Какая разница, верно? – пошутил он, толкнув меня локтем, словно мы были лучшими друзьями.

Да-да, гангста.

– А что насчет этой суки Моники? – спросил он.

– Она не сука, – отрезал я.

Какого черта? Разве я заступался за таких, как Моника? Я надеялся, эта вечеринка скоро закончится.

– Лэндон и Моника... вроде как были в отношениях. Я бы держался от нее подальше, – вставил Хэнк.

– Можешь делать что захочешь. Моника – сама себя хозяйка, – пробормотал я.

Я сомневался, что она заинтересуется кем-то вроде Реджи. Для нее он был слишком молод и прямолинеен. Моника предпочитала мужчин с детьми или, по крайней мере, парней с травмами, похожими на ее собственные.

Реджи не подходил ни под один из этих критериев.

Он потер руки, как торчок, нуждающийся в очередной дозе.

– Давай, чел. Дай мне несколько советов.

– Я действительно не знаю, – сказал я.

– Лэнд скромничает. Если тебе нужен парень, который может заполучить любую девушку, то это он, – сказал Эрик, и это прозвучало чересчур напыщенно, хотя слова исходили не из моих собственных уст.

– Кроме Шей, – отозвался Реджи, заставив меня приподнять бровь.

Стоп, что?

– Прошу прощения?

– Стейси-Трейси рассказывала мне, что вы двое терпеть друг друга не можете. Это бред, потому что Шей охренеть какая горячая. Жаль, что ты не можешь ее получить.

Охренеть какая горячая.

Конечно, он назвал ее горячей, потому что его мозг был размером с фасолину. Но какого черта? Кто он такой, чтобы указывать, что мне можно, а что нет?

– Если бы я хотел получить Шей, то легко бы это сделал, – небрежно заявил я.

Этот идиот Реджи заставил моего внутреннего альфа-придурка вылезти наружу.

– Серьезно? Ты такой босс? – спросил Реджи, приподняв другую бровь.

Каждый раз, когда он использовал очередное заезженное сленговое словечко, меня тошнило.

– Да, серьезно, гангста. Когда я чего-то хочу, я это получаю. Усек, чел? – усмехнулся я, использовав все раздражающие слова, которые пришли мне на ум, но он даже этого не понял.

Идиот.

Грейсон усмехнулся себе под нос, но не присоединился к разговору. Он предпочитал держаться подальше от всевозможных драм. У него было достаточно проблем дома, и я знал, что он не хочет принимать участие ни в чем, кроме баскетбола.

– Странно, что ты так думаешь, бро, потому что, по словам Стейси-Трейси, Шей никогда бы на тебя не посмотрела, – настаивал Реджи.

Клянусь, этот парень пытался залезть мне под кожу.

– Я бы сделал это в два счета. Я мог бы заставить ее влюбиться в меня, если бы захотел, – заявил я.

Это прозвучало куда более самовлюбленно, чем мне бы того хотелось, но присутствие Реджи и тот факт, что этот парень бросал мне вызов, заставляли меня вести себя, как придурок.

– Э-э, ребята... – попытался вмешаться Эрик, но я не собирался останавливаться.

Этот парень действительно думал, что может приехать в мой город, прийти в мой дом, в мою спальню, сесть на мои итальянские простыни и рассказывать мне о том, что я могу, а что нет.

– Хорошо, давай поспорим, – сказал Реджи, выпрямляясь. – Держу пари, ты не сможешь заставить Шей в тебя влюбиться.

– Ребята, – сказал Грейсон, прочищая горло.

Его мы тоже проигнорировали.

– Я полностью готов, – сказал я, протягивая ему руку. – Спорим.

Черт возьми, почему сейчас я звучу так же глупо, как этот придурок из Кентукки?

Мы пожали друг другу руки.

– Мальчики, раз уж вы решили поспорить, влюблюсь ли я в кого-то, то хоть бы поставили меня в известность, – услышал я голос Шей, заставивший меня перевести взгляд с Реджи на дверной проем.

Ее руки были скрещены на груди, и она всем своим видом демонстрировала дерзость – ее нормальное состояние рядом со мной. Отставив левую ногу в сторону, она раздраженно ухмыльнулась.

– Боже, парни, могли бы предупредить, – рявкнул я на своих друзей.

Эрик вскинул руки вверх.

– Все, я умываю руки.

– Ничего такого, – отмахнулся я от Шей. – Просто глупый мужской разговор.

– О, пожалуйста, не сдавайся только потому, что тебя поймали, Сатана. Если ты думаешь, что можешь влюбить меня в себя, тогда непременно это сделай. Но

теперь я тоже хочу играть.

– Играть? Что ты имеешь в виду? – спросил Реджи.

– Я имею в виду именно это. Бьюсь об заклад, я смогу заставить Лэндона влюбиться в меня первым.

Все расхохотались, потому что знали, насколько нелепым было это предположение. Я не мог в нее влюбиться. Она мне даже не нравилась.

Мысль о том, что я влюблюсь в своего главного врага, была за гранью абсурда.

– Слушай, это была просто глупая мальчишеская болтовня. Брось, Цыпа.

– Что случилось, Сатана? – спросила она, подойдя ко мне и встав нос к носу. – Боишься, что у тебя могут возникнуть чувства к той, кого ты ненавидишь?

Этого у Шей было не отнять – она умела выпустить когти. Держу пари, что при необходимости она могла бы в вас вцепиться.

– Ни в коем случае, но я не собираюсь тратить на тебя время.

– Ну и кто теперь цыпленок? Кудах-кудах-кудах.

Она ухмыльнулась, когда парни захихикали.

Предатели.

– Ты действительно хочешь поиграть с огнем, Шей?

– Я бы хотела посмотреть, как ты пытаешься меня сжечь, – ответила она, все еще улыбаясь.

Я бы солгал, если бы сказал, что ее альфа-сторона не была сексуальной. Когда она подошла ближе, в моих джинсах стало чуть теснее, и я даже не пытался скрыть тот факт, что это произошло из-за нее. Однако сделать мой член

твердым было легко. А вот смягчить мое сердце – нет.

Хэнк потер руки.

– Вот это мне нравится. Два заклятых врага в любовной битве, и победитель...

– Имеет право гордиться собой всю оставшуюся жизнь.

Шей не сводила своих шоколадных глаз с моих, и, черт возьми, я тоже не собирался отступить.

– Что, если никто из вас не влюбится? – спросил Хэнк.

– В конце учебного года спор прекращается. У нас есть четыре с половиной месяца, – объяснила Шей.

Я приблизился к ней.

– Ты уверена, что хочешь поставить себя в такое положение, Цыпа? – спросил я, приподняв бровь. – Потому что, как только ты полюбишь меня, любой другой мужчина, которого ты когда-либо встретишь, будет полным разочарованием.

– И как только ты полюбишь меня, ты никогда не сможешь выкинуть меня из головы, – сказала она, подходя еще ближе.

Мы стояли так близко, что ее грудь почти прижималась к моей. При росте в шесть футов и два дюйма[15 - 1 фут – 30, 48 см., 1 дюйм – 2, 54 см.] я значительно над ней возвышался. Но она по-прежнему держала голову высоко поднятой.

Если бы я не ненавидел ее так сильно, я бы подумал, что ее твердая уверенность в победе выглядит мило. Но чего она обо мне не знала, так это того, что в моей жизни не было места для любви. Мой разум не приветствовал такие вещи. Значит, я уже победил? Легко. Непринужденно. Безболезненно.

– Как пожелаешь. – Я ухмыльнулся, опуская голову к ее лицу. Мои губы были в сантиметрах от ее. – Я буду любить каждую секунду обладания твоим телом и

сердцем.

– Еще чего. – Она встала на цыпочки, сильнее приблизившись к моим губам. Я чувствовал, как ее горячее дыхание касается моей кожи. – Я заставлю тебя влюбиться в себя, даже не попробовав моих губ.

– Я заставлю тебя влюбиться в себя, даже если буду обращаться с тобой как с дерьмом.

– Договорились, Сатана. – Она протянула мне руку. – Спорим.

Спорим, спорим, спорим, спорим.

Я пожал ее руку, и она с силой сжала ее в ответ. Вероятно, это был первый раз, когда мы друг друга коснулись, – с тех пор, как год назад она вошла в мою комнату.

На секунду я подумал о том, чтобы поддержать ее руку чуть дольше. Мои ладони всегда были ледяными, в то время как ее руки казались сделанными из солнечных лучей.

– Дерьмо. – Реджи низко присвистнул, прежде чем повернуться к парням. – А вы уверены, что они не спят?

– Честно говоря, трудно сказать, – протянул Эрик, но мы оба их проигнорировали.

Я был полон идей. Я придумывал способы залезть ей под кожу, свести с ума, возвысить себя в ее глазах. Это было тем делом, которого я ждал, тем вызовом, который смог бы отвлечь меня на ближайшие недели.

Заставить Шей Гейбл влюбиться в меня было отличным развлечением.

* * *

Шум и музыка становились только громче, и я был удивлен, что соседи до сих пор не вызвали полицию. Кое-что сломалось, и мне не терпелось рассказать об этом родителям. Это было моим любимым занятием – находить вещи, способные их разозлить. Разбитый фарфор? Испачканные ковры? Парочка дорогих ваз? Кто знает.

Я знал, что это незрело и глупо, но у меня была извращенная потребность выводить родителей из себя. Особенно отца. Когда он злился, то хотя бы со мной разговаривал. Поправка: кричал.

Иногда моих выходок оказывалось достаточно для того, чтобы мама вернулась в город. Она беспокоилась обо мне и моем самочувствии. Папа утверждал, что я просто ищу внимания.

Оба были правы.

– Давайте сыграем в «Бутылочку на семь минут», – крикнул кто-то из гостиной.

Несколько человек раздраженно застонали, в то время как другие одобрительно аплодировали этой идее.

Игра была немного детской, но в последнее время она стала популярной на вечеринках. «Бутылочка на семь минут» представляла собой смесь классической игры в бутылочку и «Семи минут в раю». Группа людей садилась в круг, и один из них крутил бутылку. Тот, на кого она указывала, должен был отправиться в шкаф на семь минут.

Суэта начиналась каждый раз, когда выбиралась какая-то парочка. «Потрогай грудь, отсоси член, лизни грудь, потрогай член». Мы были ненормально зрелыми. Забавно представлять, что однажды мы будем править миром. Хотя, судя по нынешним политикам, принцип «Потрогай грудь, отсоси член» давно был в ходу.

Я никогда не участвовал в этих играх, но, увидев, как Реджи спросил Шей, будет ли она играть, и она покачала головой, я решил использовать это как шанс обратить на себя внимание.

– Почему ты не играешь, Цыпа? Боишься? – спросил я.

Каждый раз, когда мы встречались взглядами, она казалась слегка шокированной тем, что у меня хватило наглости с ней заговорить.

Она выпрямила спину.

– Поверь мне, я не боюсь. Я просто не хочу, – возразила она, пожимая плечами.

– Кудах... кудах... кудах... – прошептал я так, чтобы никто, кроме Шей, этого не услышал.

Я знал, что проникаю ей под кожу. Эти звуки ее всегда раздражали.

– Не вижу тебя в круге, – сказала она, стянув резинку с запястья и собрав волосы в небрежный пучок.

Это звучало как вызов.

Я сел и жестом указал ей на свободное место.

Она закатила глаза.

– Думай что хочешь, Лэндон. Мне нечего тебе доказывать.

Мои голубые глаза не отрывались от ее карих, когда я приоткрыл губы и едва слышно произнес:

– Кудах-кудах-кудах.

Она хотела мне сопротивляться. Хотела снова пожать плечами и уйти, но между нами все было иначе. Когда один из нас толкал, другой толкал сильнее.

Она села, злобно мне улыбнулась и присоединилась к игре.

Игра началась. Спустя семь минут первые двое, хихикая, вылезли из шкафа – они выглядели ошеломленными и растерянными и улыбались, как безмозглые подростки, которыми и являлись.

Когда подошла моя очередь, я потянулся к бутылке, уверенный в том, что она остановится на нужном месте. Еще в четырнадцать лет я довел свои навыки вращения до совершенства – хотел поцеловать девочку, которая мне нравилась.

На этот раз рассчитывать на поцелуй мне не приходилось. В лучшем случае – на крик.

Бутылка вертелась, вертелась и вертелась. Взгляд Шей был прикован к стеклянному пивному горлышку. В тот момент, когда бутылка начала замедляться, я увидел, как Шей едва заметно бормочет: «Нет, нет, нет». Секунду спустя она остановилась прямо перед ней.

Круг начал охать и ахать, предвкушая, как два заклятых врага проведут в закрытом шкафу целых семь минут подряд. Все они ждали шоу, и я знал, что в тот момент, когда дверь за нами закроется, целая толпа людей будет прижимать к ней ухо, пытаясь выцепить обрывки того, что будет между нами происходить.

Я встал на ноги и жестом указал на Шей.

– Пожалуйста, – галантно предложил я. – Цыплята вперед.

Она нахмурила густые брови, поднялась с пола и поспешно направилась к двери. Мы оба вошли внутрь и встали нос к носу.

– Итак, друзья, вы знаете правила, – сказал Эрик, хватаясь за ручку двери. – Семь минут в раю – или, в вашем случае, в аду. Веселитесь!

Он захлопнул дверь, и в ту же секунду Шей раздраженно заскулила.

– Не могу поверить, что я должна провести здесь с тобой целых семь минут. Могу назвать целый миллион вещей, которые я бы предпочла этому занятию, – проворчала она, вероятно, надув губы.

– Например?

– Даже не знаю... смотреть, как сохнет краска.

– Ну, раз уж мы здесь, нам, наверное, следует потратить время с умом, – пошутил я, расстегивая джинсы.

Я знал, что это ее побеспокоит. Хотел бы я видеть ее раздраженное лицо. Мне нравилось, когда она злилась на меня так сильно, что у нее раздувались ноздри.

– Выкинь эту мысль из головы, Лэндон, и перестань возиться со своим ремнем, потому что я ни за что к тебе не прикаснусь.

– Я уже думал об этом раньше, – сказал я низким и нежным голосом.

– Думал о чем?

– О том, как я тебя целую.

Она саркастически фыркнула.

– Я уверена, что это ложь.

– Но это так.

– Я тебе не верю.

Однако это было правдой. Это случилось один раз – всего лишь один – после похорон Ланса. Я провел много недель, употребляя алкоголь в попытках справиться с бурей дерьма, бушующей в моей голове, и был немного неуравновешенным. Если бы мои друзья не присматривали за мной, я бы, наверное, умер. Я вспомнил, как однажды зашел в школу и увидел Шей, стоящую у своего шкафчика в компании приятелей. Она так искренне смеялась и запрокидывала голову, что я не мог оторвать от нее глаз.

Я думал о том, как она держала меня в объятиях несколько недель назад, в самый тяжелый период моей жизни. Она была рядом – мой главный враг – и заботилась о моих шрамах. И глядя на нее в коридоре, я думал о том, чтобы отблагодарить ее – подойти к ней, разомкнуть губы и выразить свою благодарность. Я не привык к тому, что люди делают добро, не надеясь на что-то взамен, а Шей сделала это без каких-либо ожиданий.

Я вспомнил, как посмотрел в ее глаза, затем – на ее тонкий нос, на щеки и сочные губы.

Я задавался вопросом, каковы эти губы на вкус. Мне было интересно, похожи ли они на леденцы, которые она постоянно клала себе в рот. Я спрашивал себя, каков на вкус ангельский грех, который я в ней видел. На долю секунды я задумался... задумался, а потом она захлопнула свой шкафчик, ушла, и я протрезвел.

Тем не менее я об этом подумал.

Пару секунд мы оба молчали, прежде чем я снова прочистил горло. Я не любил тишину и плохо ладил с неловким молчанием.

– Всего один поцелуй, Цыпа. Я никому не расскажу.

– Ты бережешь секреты так же, как бережешь девушек. То есть никак – не считая Моники.

– Моника не моя девушка.

– Это не отменяет того факта, что она считает тебя своим парнем.

Я слегка ухмыльнулся.

– Завидуешь ей?

– Завидую, что ей приходится иметь дело с таким парнем, как ты? Ни в коем случае.

– Как скажешь, Цыпа.

– Я бы хотела, чтобы ты перестал называть меня Цыпой, – отрезала она. – Я ненавижу это прозвище.

– Хочешь, чтобы я придумал что-то новое, милашка? Я могу называть тебя Сладкие Щечки.

Она вздрогнула от отвращения. Чудно. Не было ничего, что нравилось бы мне больше, чем ее злость.

– Это тоже не подходит.

– Буду над этим работать.

– Или ты можешь просто называть меня по имени.

– Нет, Шей – слишком уродливое имя, чтобы я произносил его вслух.

– Ненавижу тебя.

– Ненавижу тебя сильнее.

– Я ненавижу тебя больше всех на свете.

Я хмыкнул.

– Ты действительно думаешь, что сможешь заставить такого парня, как я, влюбиться в тебя?

– Да. Я настроена положительно. Читать людей очень просто, в том числе и тебя.

– Ты не можешь меня прочесть, Шей.

– Могу, как открытую книгу.

– Хорошо.

Я полез в карман, вытащил телефон и включил фонарик, освещая наше небольшое пространство.

– Прочти меня.

Она приподняла бровь.

– Ты уверен, что хочешь, чтобы я это сделала? Читать людей – это мой особенный дар, и тебе может не понравиться то, что я скажу.

– Мне никогда не нравится то, что ты говоришь, так что действуй.

Она расправила плечи и вытянула руки так, словно собиралась поднимать штангу.

– Хорошо. Ты фальшивка, Лэндон.

И это было оно? Грандиозное открытие?

– Что, черт возьми, ты имеешь в виду, говоря, что я фальшивка?

– Именно это. Ты. Фальшивый. Именно этим. Фальшивый. В тебе нет ничего настоящего. Ты – ходячая ложь.

Я рассмеялся. Без шуток, я на самом деле громко и искренне рассмеялся, что со мной случалось нечасто. Это был глубокий, животный смех.

– О чем ты, черт возьми, говоришь? – спросил я. – Во мне все настоящее. Я самый большой реалист в этом сраном городе.

– Нет, – не согласилась она, покачав головой. – Ты фальшивый. Еще более фальшивый, чем новые сиськи Карли Патрик, которые она сделала на свое восемнадцатилетие.

– Что?! – выдохнул я, ошеломленный ее словами. – Я не фальшивка, Шей.

– Ничего страшного, Лэндон. – Она пожала плечами и принялась ковырять ногти. – Кажется, людям нравится твоя ложь.

– Я не фальшивка, – снова возразил я, и в этот момент моя кровь начала закипать. – Кроме того, я видел сиськи Карли вблизи и лично. Два торчащих вперед шара со стоячими сосками. В мире нет ничего более фальшивого, чем эти силиконовые арбузы. Во мне много плохих качеств, но фальшь к ним точно не относится.

– Хорошо, тогда ты можешь ответить на мой вопрос?

– Легко.

– Сколько людей знает, что тебе плохо?

– Что за сраный вопрос? – рявкнул я.

– Прямолинейный, – ответила она.

Она казалась такой хладнокровной, спокойной и собранной – это было одной из многих вещей, которые я в ней презирал. Как будто ее жизнь всегда была стабильной. Я мечтал о такой жизни и, видя, что она у нее есть, чертовски раздражался.

– Как давно тебе плохо, Лэндон?

Я взглянул на часы.

– Около трех минут, потому что быть запертым с тобой в этой камере – сущий ад.

– Разве это не ты хотел зайти сюда со мной?

– Моя ошибка. Я забыл, как сильно ты меня раздражаешь.

Она улыбнулась своей чертовой ухмылкой, довольная моим раздражением.

– Ты собираешься ответить на мой вопрос?

– Ты собираешься сосать мой член? – ответил я.

– Ты всегда так делаешь? – спросила она, наклонив голову и изучая выражение моего лица.

Она делала то, что делала – читала меня. Отмечала мои движения и напряженность моих челюстей, вглядывалась в каждый мой дюйм.

Не позволяй ей читать себя, Лэндон. Она не смогла бы справиться даже с моим прологом. Все мои стены были подняты, и я не собирался позволить ей их разрушить.

– Делаю что? – спросил я.

– Используешь сарказм, чтобы скрыть свою боль.

– Какая боль? Посмотри на мою жизнь. У меня есть деньги, крутые вечеринки и девчонки, которые на меня вешаются, зачем мне грустить?

– Может, потому, что деньги, девушки и вечеринки не делают человека счастливым. Я вижу, насколько ты ничтожен в своих собственных глазах.

Я поморщился и прошептал:

– Ты ни хрена обо мне не знаешь, Шей.

– Тогда почему я могу так легко залезть тебе под кожу? Если бы это было неправдой, если бы тебе не было грустно и плохо, могли бы мои слова тебя побеспокоить?

– Ты не понимаешь, – спокойно ответил я.

Она понимала.

Она задела меня, заставив меня чувствовать себя некомфортно из-за того, что она, казалось, могла видеть те части меня, которые я так тщательно скрывал от окружающих. В моей груди нарастал гнев, и мне нужно было выпустить его, пока он не достиг своего предела.

– Может быть, мы просто помолчим до конца времени, – сказал я ей.

– Второй раз в жизни я с тобой согласна.

Шей села на пол шкафа, и я сделал то же самое, прислонившись спиной к висевшему там пальто. Почему семь минут ощущаются как семьдесят? Время вообще идет? Я чувствовал себя в аду.

Затем наступила тишина. Тишина, навеянная тяжелыми мыслями. Каким-то образом ей удавалось читать меня, и поэтому, когда тишина стала слишком напряженной, я прочистил горло и попытался завести светскую беседу в надежде заткнуть внутренний голос.

– Цыпленок и Сатана заходят в чулан... Не слышала этот анекдот?

Она тихо рассмеялась.

Это был мимолетный смешок, но, черт возьми, я никогда не слышал, чтобы Шей смеялась над моими словами, – это было ново. Маленькая часть меня наслаждалась звуком ее смеха – это тоже было в новинку.

– Лэндон? – прошептала она.

– Да?

– Просто заткнись, ладно?

Что ж, хорошо.

– У вас еще минута, похотливые животные! – крикнул Эрик.

Мы оба встали, и я сделал шаг ей навстречу.

– Понимаю, что ты не хочешь целоваться. Это слишком интимно и лично, но, если хочешь, то это твой последний шанс прикоснуться к моему члену, пока никто не видит. Я не буду тебя останавливать.

– Спасибо, не стоит. У меня аллергия на арахис, – сказала она так легко и громко, что толпа по ту сторону двери разразилась смехом.

Шей снова ухмыльнулась, чувствуя гордость за свою маленькую шутку. Той красивой раздражающей ухмылкой, которую я ненавидел.

Шей: 1.

Лэндон: 0.

Впрочем, я не переживал. Игра только начиналась. Она могла забить один гол, но я не собирался позволить этому случиться снова. Мы играли на моем поле, и Шей не знала, с кем имеет дело.

Когда время истекло, мы открыли дверь и вышли к толпе. Лидером этой компании была Моника, и у нее были совершенно сумасшедшие глаза. Меньше всего мне хотелось иметь дело с обезумевшей Моникой. Она реагировала так всякий раз, когда видела меня с другой девушкой, хотя сама трахалась с миллионом парней.

Я расправил плечи и приоткрыл губы, чтобы заговорить, но ладонь Моника, звонко приземлившаяся на мою щеку, меня опередила. Если не ошибаюсь, прошло почти два месяца с тех пор, как Моника в последний раз дала мне пощечину, это был новый рекорд.

– Серьезно, Лэндон? Ты играешь в бутылочку с другой девушкой? С моей подругой?! – выкрикнула она, затаив дыхание.

Ее глаза наполнились слезами, в то время как толпа, замерев в ожидании, продолжала внимательно следить за происходящим. Если и были две вещи, на которые всегда можно было положиться, так это на драматизм Моники и на любопытство случайных людей, жаждущих понаблюдать за каким-нибудь скандалом.

Забавно, что при всем том дерьме, которое Моника выливала на Шей у нее за спиной, она называла ее своей подругой. Думаю, что она не выносила Шей даже больше, чем я. Казалось, Моника даже завидовала тому, как я ненавижу Шей, что лишь усиливало ее отвращение к ней. Иногда меня раздражало то, что она говорила о Шей, и то, как низко она опускалась, поливая грязью девушку, которую я ненавидел. Как ни странно, я нередко защищал Шей, до которой мне не должно было быть никакого дела. Как у человека может хватать смелости вставать на защиту своего врага в личной беседе и при этом обращаться с ней, как с дерьмом, на публике? Я был невероятным козлом.

Я был готов ей ответить, но не успел произнести ни слова, потому что она снова ударила меня по щеке.

Толпа загудела.

Ладно, это было даже немного смешно.

Ликующая толпа возмутила Монику. В своем нынешнем состоянии она стала чересчур самоуверенной. Когда она подняла руку, чтобы снова дать мне пощечину, я остановил ее, схватив за запястье.

Один шлепок – хорошо, так уж и быть. Честно говоря, это была своего рода карма. Две пощечины я тоже мог стерпеть. Иногда я вел себя довольно дерьмово в наших и без того токсичных отношениях. Но три пощечины?

Ты жадничаешь, Моника.

Я наклонил голову, одарив ее легкой ухмылкой и коронным щенячьим взглядом.

– Прости меня, хорошо?

Я не знал, за что именно извиняюсь, но девушкам, похоже, нравилось слышать такое от парней.

– Как угодно, Лэндон. Ты – придурок.

Я видел, что она улыбается, – ей это нравилось. Хотя кому-то здесь весело. Мое лицо до сих пор горело от пощечин.

Я все еще жив.

– Не волнуйся, Моника. Ничего не было. Поверь мне... – Шей оглядела меня сверху вниз с презрением во взгляде. – Между нами никогда ничего не произойдет.

Она развернулась и ушла. По какой-то причине я почувствовал желание последовать за ней и рассказать ей, почему она ошибается и как я собираюсь проникнуть в ее душу, словно яд, и как однажды ей придется выводить этот яд из своего сердца. Но я остался на месте.

Мой взгляд метнулся к толпе, окружившей меня и Моника.

– Займитесь делом или проваливайте, – прошипел я, глядя на людей.

Они поспешили вернуться к вечеринке, оставив меня и Моника наедине.

– Ты мне противен, – пробормотала она, стоя на высоких каблуках, которые, вероятно, убивали ее ноги. – Ты ничего не стоишь. Знаешь, что? Ты абсолютно ничтожен.

Я вздрогнул.

– Ты пьяна.

– Это вечеринка – тут все пьяны... кроме тебя и Маленькой Мисс Совершенство, – усмехнулась она.

Вот и она, та самая очаровательная Моника, которую я знаю.

– Бьюсь об заклад, эта зануда трахается под заглавную песню из «Соседство мистера Роджерса»[16 - «Соседство мистера Роджерса» – американский образовательный детский телесериал.].

Я почти ее не слушал. Как правило, я пропускал мимо ушей ее комментарии, потому что многое знал о ее жизни. Я знал, какой беспорядок там творится. Видел все ее мятые страницы и погнутые уголки. Некоторые главы ее книги были вырваны, чтобы скрыть от окружающих самые темные части ее личности, и я был единственным, кому было позволено их прочитать. Если бы ей понадобилась боксерская груша, я бы с легкостью выдержал ее удары, но это не означало, что на мне совсем не оставалось синяков и ссадин.

– Пожалуй, тебе пора домой, – предложил я.

– Я все равно планировала уйти. Твоя вечеринка удалась, – сказала она, перебрасывая волосы через плечо. – Не забудь искупаться в бассейне, Лэндон, в честь твоего дяди, – пробормотала она, уходя.

Зачем ей это делать?

Зачем ей говорить такие вещи? Чтобы меня позлить? Чтобы причинить мне боль? Чтобы знать, что страдает кто-то, кроме нее самой?

Я стоял там, застыв на месте и думая о Лансе. Мысли о нем водопадом хлынули в мое сознание. Я не мог дышать, а люди вокруг меня толкались, тусовались, пили, не замечая охватившей меня панической атаки, не замечая боли, пожаром разгоревшейся в моей душе.

Я хотел утонуть.

Я так хотел утонуть той ночью. В водке. В виски. В текиле. В слезах.

Я посмотрел налево и обнаружил смотрящую на меня пару глаз. Пока все остальные смотрели сквозь меня, эти глаза изучали меня так, словно я был лабораторной мышью. Пара красивых, грустных глаз пронзала мою душу

насквозь. Шей была единственной, кто удосужилась посмотреть в мою сторону, и она делала то же, что делала в шкафу. Она читала меня, копаясь в глубинах моей души и без спроса исследуя мои страницы.

Прекрати, Шей.

Я заставил себя пошевелиться и протиснулся мимо нее, задев ее за плечо.

– Если ты не собираешься у меня отсосать, то перестань пялиться на меня, солнышко, – выдохнул я.

– Не зови меня солнышком, – сказала она.

Тогда перестань быть такой чертовски яркой.

Я не знал, во сколько все ушли, но, судя по всему, Грейсон разогнал их где-то после часа ночи. Когда разгромленный дом наконец опустел, я направился к бассейну. Он был окружен стеклянными стенами, что позволяло наслаждаться природой, плавая в нем холодными иллинойскими зимами.

– Какой смысл иметь бассейн в Иллинойсе, если им нельзя пользоваться круглый год? – сказала мама много лет назад, занимаясь проектированием дома.

Бассейн блестел под круглой луной. Полнолуние... В этом году день рождения Ланса выпадает на полнолуние. Часть меня хотела завывать. Другая часть меня хотела плакать.

Вместо этого я подошел к краю бассейна и прыгнул в него, не снимая одежды. Насквозь промокнув, я стал медленно опускаться под воду. Я никогда не прыгал с трамплина – мне это было ни к чему. Я плыл к середине бассейна и находился под водой так долго, как только мог. С тех пор как Ланс скончался, я нырял в этот бассейн каждую ночь. Я научился долго обходиться без воздуха. Именно этим я и занимался последние несколько месяцев своей жизни – задерживал дыхание.

Лэндон

Вам приходилось лежать в постели без всякого желания вставать?

Когда наступило утро, я почувствовал изнеможение.

Я устал не только физически – мое сознание тоже было измотано.

Не стоило устраивать вечеринку. Я не должен был поддаваться на глупые уговоры. Я должен был послушать Грейсона и провести вечер за видеоиграми и пиццей.

Я не спал. Я ненадолго закрывал глаза, но видения из прошлого тут же врывались в мое сознание.

Когда взошло солнце, экран моего телефона был переполнен сообщениями от людей, которые считали себя моими друзьями. Все они писали о том, как круто прошла вчерашняя вечеринка. Однако никто из них не был моим другом. Грейсон, Эрик и Хэнк были единственными людьми, которых я мог бы назвать друзьями, – мы знали друг друга почти всю жизнь. Все остальные были просто теньями, которые мелькали рядом со мной изо дня в день. Белый шум.

Я не ответил ни на одно из сообщений, потому что в действительности все они писали не мне. Они писали человеку, которым я притворялся. Они писали богатому парню, который обеспечил их куревом и выпивкой. Они писали богатому парню, который подарил им каплю своей популярности. Они писали богатому парню, который мог изменить их социальный статус.

Если бы они поговорили с настоящим мной, их бы оттолкнуло уже то, что мне требовалось собирать все свои силы, чтобы вытаскивать себя из постели. Иногда я задавался вопросом: неужели всем людям приходится так тяжело – вставать каждый день, заставляя себя выйти из комнаты. Бывали дни, когда все, чего я хотел, – зарыться поглубже в одеяла и неделями не видеть солнечного света. Я не мог спать, но мне хотелось просто лежать в постели наедине со своими

темными мыслями. Тем воскресным утром я хотел именно этого – побыть одному, оставшись в кровати. Но, увидев сообщения от родителей, я понял, что должен собраться до прихода Марии.

Мама: Наши соседи написали мне о вечеринке. У тебя все нормально? Позвони мне, когда прочитаешь сообщение. Люблю тебя.

Сообщение от отца было немного другим.

Папа: Соберись, на хрен.

Я тоже люблю тебя, пап.

Я посмотрел на время – было уже 10 утра.

Потом я набрал маму. Она сразу же ответила. Мама всегда брала трубку с первого звонка.

– Привет, Лэндон.

– Привет, мам.

– Как ты? Как дела? Соседи были так взволнованы.

В ее голосе звучала тревога.

– Я в порядке. Просто ситуация немного вышла из-под контроля, вот и все. Извини.

– Все в порядке, главное, что у тебя все хорошо.

– Две или три вазы разбились, – сказал я.

– Ну что ты, дорогой, все в порядке... это всего лишь вещи. Их можно заменить. Ты волнуешь меня гораздо больше.

Ее прервал чей-то голос, раздавшийся на заднем плане, и она отвлеклась на обсуждение тканей. Спустя пару минут она вернулась к нашему звонку и спросила меня, нужно ли ей возвращаться домой.

Я сказал, что нет.

Она была слишком занята осуществлением своей мечты. Я не хотел, чтобы она возвращалась домой, к моим кошмарам.

– Хорошо, милый, позвони мне сегодня вечером или в любое другое время. Я всегда на связи. Я тебя люблю. Звони когда угодно. Я тебя люблю.

– Я тоже, – сказал я, прежде чем повесить трубку.

Я зашел в ванную, примыкающую к моей спальне, и залез под душ. Вода стекала по моей коже, и я ни о чем не думал. В то утро у меня не было на это сил. Я устал до глубины души – до этого я даже не подозревал, что способен устать так сильно. Я не знал, что разум может быть истощен до такой степени, что потеряет возможность думать. Все мои кости отчаянно ныли. Поток горячей воды касался моей кожи, и я закрыл глаза.

Вымывшись, я оделся и прошелся по дому, изо всех сил стараясь навести порядок. Все пивные банки и бутылки из-под водки я собрал в мешок. Затем я подмел пол, пропылесосил и вычистил загаженные туалеты по всему дому.

Старшеклассники были отвратительны, особенно когда оказывались в чужом доме.

Это была моя нелюбимая часть вечеринок – последствия. И хотя Мария в любом случае привела бы дом в порядок, я не хотел заставлять ее этим заниматься. Несмотря на мое отношение к Шей, ее бабушку я обожал. Марию было трудно не любить. Она была дерзкой и никогда не извинялась за свою сильную, смелую

личность. Я был уверен, что именно от нее Шей унаследовала свой пламенный нрав. Я не знал, почему так сильно привязался к Марии. Может быть, это было связано с той заботой, нежностью и лаской, которую она проявляла ко мне даже тогда, когда я этого не заслуживал. Или дело было в том, что у меня никогда не было бабушки и я часто задавался вопросом, каково быть чьим-то внуком.

Или потому, что она всегда приносила с собой домашнюю еду. Ее стряпня всегда была кстати.

Воскресенье было моим любимым днем недели, потому что Мария приходила к нам убираться. Она работала у нас уже семь лет и была одной из лучших частей моей жизни.

В тот воскресный день Мария пришла и ярко мне улыбнулась. Она всегда улыбалась и напевала себе под нос какую-нибудь мелодию, когда заходила в дом.

– Выглядишь, как кашка, Лэндон, – заявила она, неся в руках тарелку с едой. – Ты должен высыпаться.

– Я работаю над этим.

– Лжец.

Мой взгляд переместился к тарелке.

Пожалуйста, будь лазаньей, пожалуйста, будь лазаньей, пожалуйста, будь...

– Я приготовила лазанью на ужин, – сказала Мария.

О да!

Это было мое самое любимое в мире блюдо, если не считать энчиладас Марии. Еда, приготовленная Марией, становилась главным событием каждой недели. Как будто она добавляла в каждое блюдо щедрую порцию своей души и сердца, приправляя его шепоткой фантазии.

– Ты хорошо спал в эти выходные? – спросила она.

– Да, неплохо.

– Снова лжешь. Твои мешки под глазами больше, чем у меня, а мне больше четырехсот лет.

– Прекратите, Мария. Вы выглядите не старше тридцати.

Она улыбнулась.

– Ты мне всегда нравился, ты же знаешь это, да?

Она передала мне блюдо и велела поставить его в холодильник.

– Чем ты занимался прошлой ночью?

– Тусовался с Грейсоном. Ничего серьезного. Видеоигры и все такое.

– Хочешь сказать, здесь не было никаких вечеринок?

Я улыбнулся. Снова лгать ей было бесполезно, и она тоже это знала.

– Как твои отметки, Лэндон Скотт?

Клянусь, Мария была единственным человеком, кому было позволено называть меня средним именем. В какой-то степени мне это нравилось. Казалось, что это делало наши отношения более личными, чем отношения клиента и работодателя.

– С ними все в порядке.

– А ты уже выбрал специальность, на которую будешь учиться в колледже? – спросила она.

Мария давно знала ответ на этот вопрос, но все равно спрашивала. Я должен был поступать на юридический факультет Чикагского университета. Этого хотел отец – предполагалось, что я пойду по его стопам. Я согласился, потому что, черт возьми, что еще мне оставалось? Я не знал, кем хочу быть, поэтому было легче предоставить это решение отцу.

Перспектива учиться в колледже казалась мне довольно призрачной. Я понятия не имел, кем на самом деле хочу стать, когда вырасту. У меня не было ни малейшего желания посвятить себя какому-то одному делу, что еще сильнее усложняло мне задачу. У меня не было увлечения. Как я мог решить, что делать со своей жизнью? Каждое утро я с трудом вытаскивал себя из постели. Так что я выбрал просто послушаться отца. Конечно, его жизнь казалась скучной и замкнутой, но, по крайней мере, он был успешен. Должно быть, он выбрал правильный путь.

– Ты можешь сомневаться, – мягко сказала Мария, словно читая мои мысли. – Тебе необязательно принимать решение прямо в эту секунду. Просто нужно выбрать несколько направлений, которые тебе близки. Ты умный и талантливый молодой человек, Лэндон. Ты сможешь достичь чего угодно, если приложишь усилия, и это не должна быть юриспруденция только потому, что так хочет твой отец.

– Ты не думаешь, что из меня получился бы хороший адвокат? – отшутился я.

– Из тебя получится кто угодно. Я просто хочу, чтобы ты был увлечен своим делом.

Я промолчал, потому что не хотел испортить Марии настроение, сообщив ей, что я вообще не способен чем-то увлечься.

Я направился на кухню, чтобы убрать лазанью в холодильник.

Прежде чем Мария занялась уборкой, она заглянула на кухню и кивнула в мою сторону.

– Как твое сердце сегодня? – задала она мне тот же вопрос, который задавала каждый раз, когда мы виделись.

– Все еще бьется.

– Хорошо.

Если бы кто-нибудь другой задал мне этот чересчур драматичный вопрос, я бы послал его к черту, но, поскольку он исходил от Марии, я решил, что она заслуживает хоть какого-то ответа. Я бы не смог нагрубить Марии, даже если бы захотел, – как минимум потому, что она надрала бы мне задницу и плеснула бы в меня святой водой, посмей я с ней поспорить.

– А ваше? – спросил я, потому что мне, к моему удивлению, было не все равно.

Я мог по пальцам пересчитать людей, которые были мне небезразличны, и Мария занимала прочное место в этом списке. Время от времени она даже оказывалась на первом месте.

Она улыбнулась.

– Все еще бьется.

Она ушла, а пару минут спустя постучала в дверь моей спальни. Открыв ее, она вошла в комнату со шваброй, с ручки которой свисал чей-то лифчик.

– Скромная ночь с Грейсоном, да? – многозначительно спросила она.

Я рассмеялся.

– Кажется, после полуночи что-то пошло не так.

Она покачала головой и что-то пробормотала себе под нос – вероятно, молитву за мою грешную душу, – прежде чем вернуться к работе.

Через несколько часов я поставил ужин в духовку, а Мария накрыла стол на двоих. По воскресеньям мы ужинали вдвоем, это был наш ритуал. Перед едой она всегда брала меня за руку и читала молитву.

Я никогда не закрывал глаза, но ей было все равно. Она всегда говорила, что Бог все равно услышит меня.

Она говорила со мной о школе, напоминала мне, что нельзя грубо вести себя с людьми, и давала советы насчет того, как быть хорошим человеком. Я никогда этого не говорил, но наши воскресные ужины значили для меня целый мир. Я нуждался в ней, и она всегда была рядом. Если и был кто-то, на кого всегда можно было рассчитывать, так это Мария.

Мария часто говорила о своей семье, в основном о Шей. Раньше я не особенно ее слушал. Мне не хотелось знать ничего об идеальной жизни девушки, которую я ненавидел, но теперь, когда мы заключили пари, я хотел получить как можно больше информации. Я знал, что смогу использовать это для своей победы.

– Шей готовится к школьному спектаклю – больше ни о чем не может думать. Но она прекрасно справляется. Письмо и игра на сцене – ее таланты от Бога.

Мария сияла, когда говорила о своей внучке.

– Искусство у нее в крови. Это ее призвание. И это единственная хорошая вещь, которая досталась ей от отца, – его талант».

– Актерство, да? – спросил я, пробуя лазанью.

Как. Же. Вкусно.

– Да. Она прекрасно играет. У нее настоящий дар.

Я хотел побольше узнать о Шей, но понимал, что это вызовет у Марии подозрения. Любая информация о Шей могла помочь мне выиграть пари. Чем больше я о ней знал, тем легче было затащить ее в свою постель.

Актриса. Писательница.

И красавица.

Это не имело значения, но не упомянуть это было невозможно.

Я собрал все маленькие подсказки, которые мне дала Мария, и положил их себе за пазуху. Я был уверен, что в будущем они мне пригодятся.

* * *

Сегодня я был счастлив.

Я подумал, что должен записать это, потому что большинство моих дней окрашены в черный цвет.

Мне тяжело.

Я чувствую, как мой разум снова ускользает во тьму. Я все еще принимаю лекарства и стараюсь держаться на плаву, но это чувство все равно меня преследует. Я чувствую, что ускользаю.

Я провожу время с семьей, потому что у них есть нечто, что приносит мне успокоение. Я стараюсь.

Я очень стараюсь не утонуть.

Я не знаю, что сулит мне завтрашний день, но сегодня я был счастлив.

Сегодня я счастлив.

И это достойно того, чтобы быть записанным.

Л.

Шей

После вечеринки прошло уже два дня, а я не могла перестать думать о Лэндоне и его затуманенных глазах. Когда он стоял посреди гостиной, застыв на месте, я знала, что его охватила паническая атака. Я тоже с ними сталкивалась – когда папа уезжал торговать или не возвращался домой по ночам. Я не могла пошевелиться, и с каждой секундой мне становилось все труднее и труднее дышать. В голове крутились наихудшие исходы. Он лежит без сознания в какой-то канаве. Он ввязался в перестрелку. Его убили. Он кого-то убил. Казалось, что я нахожусь в микроскопической тесной комнате без возможности выйти.

Я знала, в чем причина моей тревоги, и задавалась вопросом, что могло вызвать паническую атаку у Лэндона. Меня поразило то, что он стоял у себя дома, окруженный десятками людей, которые утверждали, что являются его друзьями, но никто не замечал его боли.

Кроме меня.

Я видела все и беспокоилась за него, хотя это не имело ко мне никакого отношения. Я так волновалась, что обратилась к Грейсону в надежде на то, что он сможет мне что-то объяснить. Наверняка Грейсон был сбит с толку моим вопросом о Лэндоне, ведь раньше я никогда им не интересовалась, но, видя его наполненные страданием глаза и понимая его боль, я не могла просто пройти мимо. Так же, как не могла внутренне согласиться на дурацкое пари с человеком, чье сердце разбито вдребезги.

Сначала я пришла в восторг от нашего спора. Это был забавный вызов, потому что он был прекрасной возможностью продемонстрировать наши истинные таланты. Даром Лэндона было умение вызывать физическое влечение. На протяжении многих лет я наблюдала за тем, как он превращал девушек в желе, просто им подмигивая. Он выбрал шаблонный образ плохого парня, и старшеклассницы десятками падали к нему на колени – и в его постель.

Мой дар был полной противоположностью. В то время как он преуспел в управлении физическим влечением, я овладела эмоциями. Я была прирожденной рассказчицей и последние несколько лет своей жизни посвятила совершенствованию своего навыка чтения людей. Каждый, с кем я встречалась, был для меня персонажем. Я изучала их подноготную. Я записывала их

особенности в свои многочисленные блокноты. Я искала причины их поведения, истоки формирования их характеров, искала то, что ими двигало, и то, что их вдохновляло. Я задавала им вопросы. Я общалась с ними, потому что люди меня зачаровывали. Я любила людей. Это был мой дар – видеть окружающих со всех сторон. Я рано поняла, что в жизни нет настоящих злодеев, есть только люди, которые пострадали так сильно, что забыли, каково быть хорошими.

Задача влюбить в себя Лэндона сперва показалась мне забавной. Заставить моего заклятого врага полюбить меня представлялось мне достойным способом отыграться за годы ненависти. Кроме того, когда-нибудь в будущем я смогла бы создать персонажа на основе его личности.

Так я думала до тех пор, пока не поговорила с Грейсоном и не узнала правду о душевном состоянии Лэндона.

– В последнее время он не в порядке, – сказал он мне. – Нужно присмотреться, чтобы увидеть его боль, а большинство людей этого не делают. Он один из моих лучших друзей, и я хорошо это знаю. Он так и не пришел в себя после смерти дяди, а в субботу был день рождения Ланса – Лэндону было непросто это пережить. Я знаю, вы двое друг друга не переносите, но Лэндон хороший парень. Он просто потерялся, вот и все. Как и все мы.

Слова Грейсона остудили мой пыл. Было жестоко играть в игру с кем-то настолько сломленным.

В понедельник я подошла к шкафчику Лэндона, прокручивая в голове слова Грейсона. В то утро я посмотрела прямо на него, не зная, кого увижу, – грустного, сломленного Лэндона или холодного, отстраненного парня, которого я всегда знала.

– Привет, Лэндон.

Он повернулся ко мне, немного сбитый с толку моим появлением. Должна признаться, мне тоже было не по себе. Никогда бы не подумала, что буду первой подходить к Лэндону, чтобы поздороваться.

– В чем дело? – спросил он, доставая из шкафчика несколько книг и засовывая их в рюкзак.

– Я хотела сказать... мы можем отказаться от пари. С учетом всех обстоятельств...

Внезапно все слова вылетели у меня из головы. В его жизни было достаточно проблем; последнее, что было ему нужно, – какое-то глупое детское пари. Было много куда более важных вещей, о которых ему стоило подумать.

– Что ты имеешь в виду под «обстоятельствами»?

Его голос был низким и заставил волоски на моем теле встать дыбом, даже несмотря на то, что было только восемь утра.

– Грейсон сказал мне, что в прошлые выходные у Ланса был день рождения, и...

– Что? Ты боишься проиграть? – перебил он, но я заметила, как при упоминании дяди по его телу пробежала дрожь.

– Нет. Я просто подумала, что у тебя есть проблемы посерьезнее.

– В моей жизни нет ничего, о чем стоило бы беспокоиться, – сказал он, закрывая свой шкафчик и закидывая рюкзак на плечо. – Так что не пытайся мне это навязать. Если хочешь отказаться от пари – вперед. Но будь я проклят, если сдамся так просто. Я не жалкий цыпленок.

– Лэндон, ты до сих пор не отошел от смерти Ланса. Ты не в порядке.

– Тебе необязательно рассказывать мне то, что я и так знаю, – ответил он хриплым голосом.

Насколько мне было известно, Лэндон не курил, но временами его голос напоминал голос заядлого курильщика.

– Да, но... Через несколько недель наступает годовщина его смерти...

Его подбородок напрягся, и он крепко сжал лямки рюкзака.

– Грейсон слишком много болтает, – прошипел он.

– Я рада, что он мне об этом сказал.

Лэндон сделал шаг назад.

– Послушай, Цыпа, я не нуждаюсь в твоей жалости. Это не повод для благотворительности, ясно тебе? Мне не нужна Маленькая Мисс Совершенство, чтобы решить свои проблемы.

– Я не пытаюсь решить твои проблемы, Лэндон, и я не совершенство...

– Как угодно. Если ты хочешь отказаться от спора, я не против. Я сразу понял, что ты не доведешь дело до конца. Но не стоит притворяться, что ты делаешь мне одолжение. Я все еще на сто процентов уверен, что выиграю.

Я изучала его. Смотрела за тем, как он двигался. Как шевелились его пальцы. Как подрагивала его ухмылка.

Я смотрела на Лэндона, а где-то на фоне звучали слова Грейсона.

Нужно присмотреться, чтобы увидеть его боль.

Его глаза.

Его красивые, печальные глаза.

Они были тяжелыми и несчастными, наполненными историей, которую он боялся рассказать. Было что-то, что он хранил в себе. Его шрамы? Его боль? Его правду?

Я хотела узнать о нем больше. Я хотела изучить страницы, которые он прятал от мира. Я хотела узнать все о мальчике, которого ненавидела и который ненавидел себя еще больше. Я была абсолютно уверена, что не было никого, кто ненавидел бы Лэндона так сильно, как он сам, и от одной этой мысли хотелось плакать.

Это была не жалость, а... боль.

Он был самым сложным персонажем, которого я когда-либо встречала, и я бы солгала, если бы сказала, что мне не хотелось узнать продолжение его истории.

– Отлично. Тогда пари все еще в силе, – сказала я, расправляя плечи.

Его тело немного расслабилось, как будто мои слова его обрадовали. Как будто по какой-то причине это было ему нужно.

Через несколько секунд его тело снова напряглось, и он пожал плечами.

– Хорошо. Увидимся, когда ты признаешься мне в любви, – сказал он, уходя.

– Не раньше, чем это сделаешь ты.

– В твоих снах, милая.

– Только если в кошмарах, – крикнула я ему. – И не называй меня милой!

Он махнул мне рукой, положив конец нашему разговору. Несколько секунд я стояла рядом с его шкафчиком, понимая, что, возможно, я взяла на себя слишком много. Могла ли я заставить Лондона влюбиться? Я не была уверена, что он вообще способен на любовь, не говоря уже о том, чтобы полюбить меня.

Этот спор был ошибкой. Мы оба это знали.

Тем не менее по какой-то причине мне этого хотелось – возможно, даже сильнее, чем следовало. Всякий раз, когда я оказывалась рядом с ним, я чувствовала в теле жар, которого никогда не испытывала с другими. Я хотела знать, почему это происходит. Я хотела знать, чувствует ли он то же.

Я хотела узнать его историю. Прочитать его мучительный, тяжелый роман.

Прочитать все его болезненные, кровоточащие главы.

* * *

– погоди, я же правильно тебя поняла, – сказала Трейси, стоя рядом с моим шкафчиком, – ты поспорила с Лэндоном, что сможешь заставить его в тебя влюбиться?

Я схватила свой учебник по английскому.

– Да.

– С Лэндоном Харрисоном?

– Ага.

– С тем самым Лэндоном Харрисоном, который засунул тебе жвачку в волосы в средней школе?

– Это была пережеванная ириска.

– Как будто это что-то меняет.

– Ну, в любом случае, это так. У меня есть четыре месяца, чтобы влюбить его в себя до того, как он заставит меня захотеть с ним переспать.

Трейси в полном замешательстве взмахнула руками.

– Боже, ты сбиваешь меня с толку. Вы, ребята, друг друга ненавидите. Ваша ненависть – самая постоянная вещь в мире. Как вы вообще решились на что-то подобное?

– Знаю, но я не могла отказаться от спора. Я наткнулась на них с Реджи, когда они заключали пари насчет меня. Они выглядели, как два самодовольных орангутанга.

– Только не мой милый Реджи! – воскликнула она.

Я закатила глаза.

– Велика вероятность, что он не такой милый, как ты думаешь, Трейс.

– Все в порядке – я люблю кислые леденцы. Кстати, о конфетах... – Она протянула мне руку, и я вытащила из кармана леденец.

Эту черту я переняла от Мимы – я никогда не выходила из дома без кармана, наполненного конфетами. Они радовали меня в течение всего дня.

Треysi довольно ухмыльнулась, бросая леденец в рот.

– Как хорошо, что ты их услышала. Представь, если бы они и правда попытались тебя разыграть? Классическая ситуация в духе «10 причин моей ненависти»[17 - «10 причин моей ненависти» – художественный фильм, вольная экранизация пьесы Уильяма Шекспира «Укрощение строптивой».]

– Согласна, но теперь, когда я все знаю, у меня есть преимущество. Теперь Лэндону придется ответить за то, что он решил на меня поспорить. Его ждет полный провал.

Треysi с минуту изучала меня, прищутив глаза.

– Что? – спросила я.

Она еще сильнее сузила глаза.

– Да что такое?!

– Слушай, я не знаю, как тебе сказать... Не подумай, что я за Лэндона, но...

Она замолчала, и я приподняла бровь.

– Просто скажи.

– У тебя чувствительное сердце.

Я рассмеялась.

– Что? О чем это ты?

– Ох, Шей... – Трейси нахмурилась, качая головой. – Ты пишешь любовные истории, чтобы заработать на жизнь. Ты добра к каждому человеку, который встречается на твоём пути. Ты кормила бездомного котенка из бутылочки, прежде чем отвезти его к ветеринару, и... не знаю, ты слишком добрая. Ты единственный человек в мире, который готов вытерпеть даже Демонику, – заметила она.

– Ты имеешь в виду Монику? – уточнила я.

– Я имела в виду то, что сказала. Она – воплощение зла, а ее недобойфренд – твой главный враг. И ты действительно хочешь лечь в постель к ее парню? Все знают, что она превращается в злобную психопатку по отношению ко всем, кто перейдет ей дорогу. Даже если они с Лэндоном не были в официальных отношениях, она все равно считает его своим. Есть неписаное правило, что Лэндон Харрисон уже занят.

– Я не понимаю, какое это имеет отношение к нашему пари.

– Я просто беспокоюсь насчет того, что любовь – твоя психологическая установка. Если Лэндон Харрисон покажет свой недостаток или слабость, или... не знаю, улыбнется, ты на это поведешься, а потом бац! Его пенис в твоей вагине, пока ты ошеломлена, сбита с толку и думаешь, что влюблена.

– Ложь. Я легко с этим справлюсь.

Я надеялась, что смогу. Молилась, что смогу. Иначе мне грозил главный провал в жизни.

– Хорошо, хорошо... но есть еще одна проблема.

– Какая?

– Думаю, в конце концов ты переспишь с Лэндоном Харрисоном.

– Что?! Нет! И тебе не нужно произносить его полное имя каждый раз, когда ты о нем упоминаешь.

– Еще как нужно, потому что это Лэндон Харрисон – твой заклятый враг! Ты ведешь себя так, будто это самая обыкновенная ситуация, когда на самом деле вы двое оказались на одном ринге. Ты не можешь проиграть эту битву, Шей. Понимаешь меня? Если вы переспите, то ты потеряешь девственность с Лэндоном-чертовым-Харрисоном! Ты разоришься на походах к психотерапевту.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Банши – существо из ирландского фольклора, фея, предвещающая смерть пронзительным криком.

2

Аксидент (англ. «Accident» – «случай») – город в штате Мэриленд, США. Известен своим необычным географическим названием. Человека из Аксидента называют «accidental» – «случайный».

3

«Girls Gone Wild» – развлекательная франшиза для взрослых, где девушек снимают на видео во время вечеринок.

4

Мауи – второй по величине остров Гавайского архипелага.

5

Энчила?дас – традиционное блюдо мексиканской кухни, тонкая лепешка из кукурузной муки с овощной или мясной начинкой.

6

Туше? (фр. Touche?) – положение борца в спортивной борьбе, при котором его сопернику засчитывается чистая победа. В словесной дискуссии слово используется как способ признать правоту собеседника.

7

«Зачарованные» – американский телесериал, созданный телекомпанией Spelling Television и впервые вышедший на экраны в 1998 году.

8

Бирпонг (англ. beer pong) – популярная в среде американских студентов игра, в которой нужно закидывать шарики от настольного тенниса в стаканы с пивом противника.

9

«Care bears» – американский мультсериал о вымышленной вселенной, где обитают мишки.

10

Эбенизер Скрудж – персонаж повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе», скупердяй и брюзга.

11

Super Mario Sunshine – видеоигра из серии игр о водопроводчике Марио, разработанная Nintendo.

12

Блюграсс – жанр американской музыки кантри родом из штата Кентукки.

13

Билл Клинтон – Уильям Джефферсон Клинтон, при рождении – Уильям Джефферсон Блайт III – американский государственный и политический деятель, 42-й президент США от Демократической партии.

14

Biggie Smalls – американский рэпер, актер и основатель рэп-группы Junior M.A.F.I.A. Широко известен как один из величайших рэперов всех времен.

15

1 фут – 30, 48 см., 1 дюйм – 2, 54 см.

16

«Соседство мистера Роджерса» – американский образовательный детский телесериал.

17

«10 причин моей ненависти» – художественный фильм, вольная экранизация пьесы Уильяма Шекспира «Укрощение строптивой».

Купить: https://telnovel.com/cherri_brittani-sh/lendon-i-shey-razbitye-serdca

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)